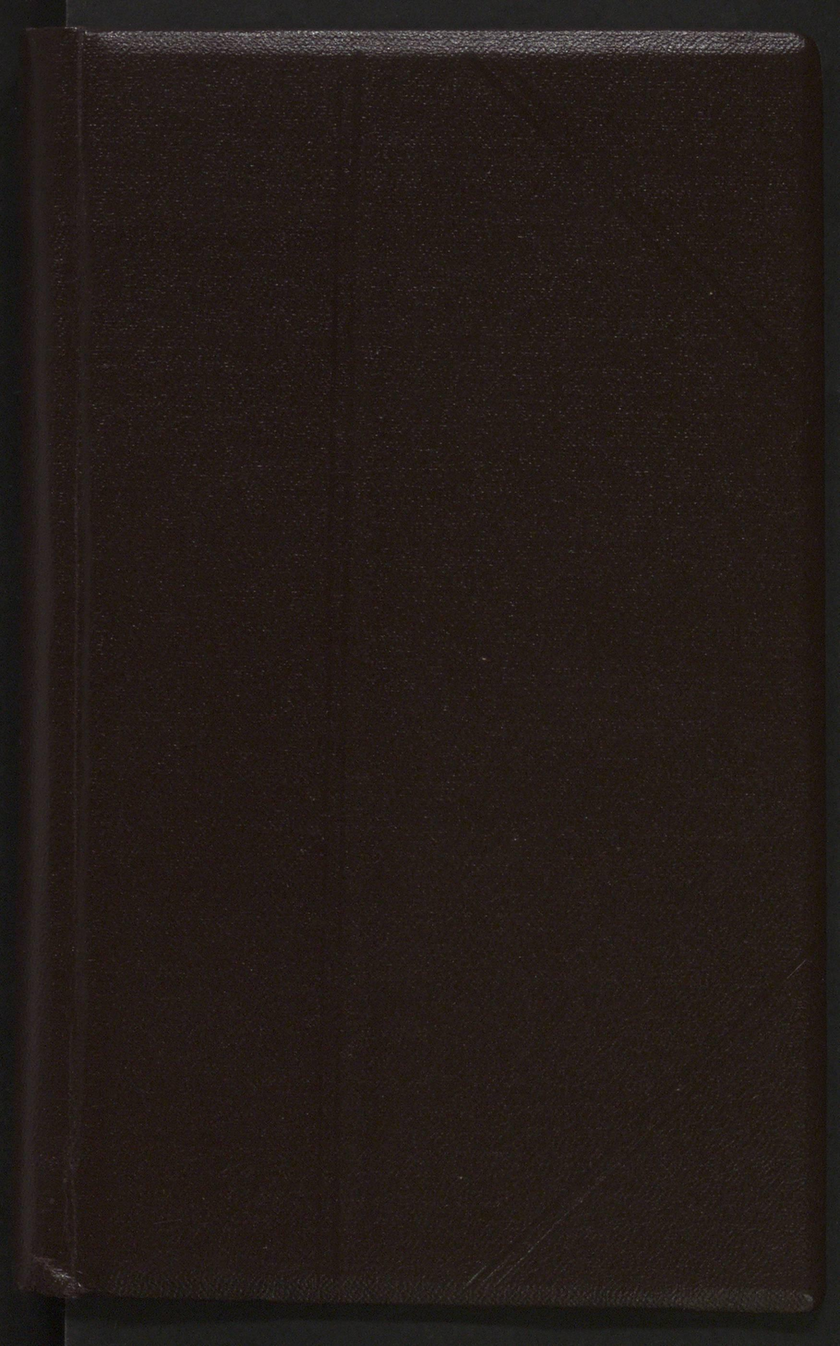

ИДИЛЛІИ
И
ПАСТУШЬИ ПОЕМЫ

Господина ГЕСНЕРА.

Переведены съ подлинника
Васильемъ Левшинымъ.

Съ Указнаго дозволенія.

ВЪ МОСКВѢ
Печатано въ типографіи при театрѣ у Хр. Клаудія,
1787 года.

ИЗВѢСТІЕ.

Приступая къ переводу сего сочиненія на нашъ языкъ, я нахожу за нужное, присовокупить здѣсь критическое разсужденіе объ ономъ господина Гюбера, трудившагося въ переводѣ онаго на языкъ Французскій.

Идилліи — говоритъ онъ — составляютъ вторый трудъ г. Геснера, и славы его источникъ начался уже Пастушьею поемою называемою *Дафна*. Имѣли оныя въ Нѣмецкой заилѣ успѣхъ можетъ быть блистательнѣйшій, нежели поема смерть Авелева: по крайней мѣрѣ живѣйшія рукоплесканія имъ, меньше были нарушаемы воплемъ Критиковъ. Я удаленъ извлекать какія либо послѣдства, для сравненія обоихъ сочиненіи. Одобреніе родящееся въ чувствованіяхъ обыкновенно пріемлется лучше, нежели одобреніе на бумагѣ; можетъ быть лучше бъ было, когда бы смерть Авелева появилась послѣ Идилліи, оная пріобрѣла бы меньше славы, и больше Критики.

Поема на своей сторонѣ имѣетъ благородство рода, важность содержанія, изобрѣтеніе и расположеніе плана соединяющаго изобиліе и простоту, наконецъ

образъ коимъ сочинитель собираетъ въ одно творенiе возвышенную живопись Героическаго похожденiя, нѣжную простоту пастушества, и трогающее Романа любопытнаго. Идиллiи выгодъ сихъ не имѣютъ, но между тѣмъ мышлю я, что можно вѣрить сколь потребно для оныхъ, равное дарованiе. Не вѣдаю, не обманаваюсь ли я, но кажется мнѣ, что г. Геснеръ издалъ свои Идиллiи въ родѣ новомъ, избѣгая во оныхъ: равнообразiя и грубости въ кои впали нѣкоторые Авторы изъ древнихъ; и мѣстъ обыкновенныхъ Пiитическихъ, столько упадшихъ своимъ рабскимъ подражанiемъ; и слабаго щегольства, которое не рѣдко призывали въ помощь писатели новѣйшiе.

Онъ льститъ себѣ въ своемъ предисловiи, будто бы имѣлъ Ѳеокрита образцемъ своимъ. Но если я осмѣлюсь сказать мое мнѣнiе, онъ весьма превозшелъ его, писавъ съ самыя натуры. По меньшей мѣрѣ имѣетъ онъ надъ симъ стихотворцемъ тотъ верхъ, каковый имѣютъ Пiиты новые почти всегда надъ древними, кои обычайно успѣваютъ много лучше въ выраженiяхъ подробностей, чѣмъ въ родѣ удобнаго распоряженiя и составленiя картины привлекательной. Трудно иногда угадать какiи предметъ предлагали Ѳеокритъ

крипъ и Виргилiи въ своихъ пастораляхъ, и сочиненiямъ ихъ часто не достаетъ намѣренiя, единства и почти всегда привлекаемости. Г. Геснеръ восхваляя древнихъ, весьма остерегался подражать имъ въ семъ обстоятельствѣ. Естьли изображалъ онъ какъ и они природу, то достовѣрно избиралъ съ лучшимъ вкусомъ предметы своего подражанiя. Онъ еще болѣе отступилъ отъ Ѳеокрита въ другой части, коя весьма выгодно отличаетъ его предъ всѣми Авторами, трудившимися прежде его въ сочиненiяхъ сего рода, какъ древними такъ и новыми, то есть въ характерахъ и нравахъ пастуховъ своихъ. Сколько чувствованiя чести и добродѣтели выражаемыя ими образомъ столь простодушнымъ и трогательнымъ, превосходятъ надъ хитростями скрытными и нѣжностями распутными, влагаемыми Пiитами Италiянскими и Французскими во уста своихъ Пастуховъ и пастушекъ?

Кажется что Авторы сiи мнили, что Пастухи не могутъ говорить объ иномъ, какъ только объ любви, и большая часть Критиковъ новѣйшихъ, писавшихъ о свойствѣ Еклоги, разсуждали сообразно сему мнѣнiю. Г. Геснеръ можетъ быть первый далъ роду сочиненiя пастушьяго всякое

возможное оному пространство, и который начерталъ своихъ Пастуховъ человѣками, подверженными всѣмъ нуждамъ и всѣмъ страстямъ человѣчества. Родители, дѣти, супруги, друзья, всѣ сїи узы коими природа учинила первыя основанїя обществъ, не суть для нихъ странны. Они бѣдны, достигаютъ старости, но ихъ бѣдность и ихъ старость составляютъ виды привлекательные. Щедрость, добротворенїе, любовь родительская, нѣжность дѣтская, почтенїе къ божеству, кроткая радость сопровождающая невинность, суть чувствованїя не меньше имъ общїя какъ и страсть любовная. Разговоры ихъ представляютъ всюду картины добродѣтели украшенныя прїятностьми простоты, и сочиненїе рождаетъ любовь къ Автору.

Въ возрѣнїи на часть собственно Пїитическую во Идиллїяхъ, кажется мнѣ, что мало Авторовъ простерли достоинство Питтореписческое столь далеко какъ г. Геснеръ; выборъ предметовъ и обстоятельствъ, истинна во описанїй даже подробностей мало примѣчаемыхъ, и сладостный блѣскъ красокъ его, даетъ его Пастухамъ всю живость естесвва. Г. Геснеръ упраж-

упражнялся иногда въ свободные часы въ живописи; я не сумнѣваюсь, что очи живописца много пособствуютъ воображенїямъ стихотворца; и можетъ быть не безполезно совѣтовать молодымъ людямъ опредѣляющимъ себя къ стихотворству, чтобъ они учились нѣсколько живописи. Упражненїе сего рода принуждаетъ разсматривать природу очами внимательными, и послѣдовать ей въ подробностяхъ обстоятельствъ самыхъ мѣлкихъ для наблюденія. Тогда привыкнешь взирать на предметы во всѣхъ родахъ видовъ, и точкахъ зрѣнїя убѣгающихъ отъ обыкновенныхъ человѣковъ; воображенїя собираемыя въ семъ упражненїи учиняются изобильными источниками рѣдкостей и новостей во описанїяхъ, и даютъ Пїиту потребную помощь для избѣжанїя равно сухихъ выраженїи, какъ и мѣстъ общаго единообразїя.

Я не удивляюсь что во Францїи укоряютъ г. Геенера въ привязанности къ пространной живописи и схожденїи въ великую подробность обстоятельствъ. Сїи подробности составляютъ достоинство во очахъ Нѣмцовъ, коимъ всегда нравятся вѣрныя изображенїя натуры, и кои можетъ быть весьма чувствительнѣе къ красотамъ

прямо стихотворческимъ, нежели какъ обычайно то во Франціи. Г. Волтеръ давно уже замѣтилъ въ концѣ опыта своего о поезіи епической, *что изъ всѣхъ націи просвѣщенныхъ, франція естъ меньше піитическая.* Не до меня можетъ быть касается рѣшить причину сей разноты вкуса, и надобно ли думать что Нѣмцы чувствительнѣе, или Французы разсудительнѣе.

Можетъ быть съ лучшею справедливостію укорятъ моего Автора въ томъ, что онъ дозволялъ иногда своимъ лицамъ переходить изъ простоты пастушей въ восторгъ Философическіи и Энтусіазмъ вѣры съ тономъ нѣсколько для пастырей возвышеннымъ. Онъ старался удалить сію критику въ своемъ предисловіи, увѣдомляя насъ, что мѣсто дѣйствія своимъ Идилліямъ опредѣляетъ въ Аркадіи, и въ томъ первомъ вѣкѣ міра, когда жизнь Пастырская была всеобщею должностію человѣческаго рода, и соединялась съ нѣкоторою способностію, дозволяющею до нѣкоей степени просвѣщать свой умъ и разсудокъ. Не вѣдаю, достаточна ли сія Апологія, а думаю что лучшее оправданіе г. Геснера состоитъ въ красотѣ самыхъ тѣхъ мѣстъ, за кои его укоряютъ.

Авторъ

Авторъ чаялъ возмочь надъ епохою и мѣстомъ избранными имъ для дѣйствія своимъ настухамъ, послѣдовавъ системѣ Греческой Миѳологіи, и включа Фауновъ и Нимфъ съ явленіемъ боговъ. Правда что употреблялъ онъ сіе умѣренно, но я желалъ бы чтобъ употребилъ онъ то нѣсколько лучше. Я не могу на примѣръ не жалѣть, что въ сей прекрасной Идилліи въ которой старикъ Палемонъ повѣствуетъ съ краснорѣчіемъ столь благороднымъ и трогающимъ о благополучіи и невинности долгой своей жизни, чудо стихотворческое приходитъ окончать явленіе столь естественное, и разрушить всю Иллузію картины.

Можетъ быть должно отнести сію погрѣшность, къ подражанію въ томъ древнимъ успѣхи господина Геснера благонадежнѣе, когда онъ писалъ самъ отъ себя, нежели соображаясь другимъ; и можно утвердить что изобрѣтеніе діявола Анамалеха коимъ онъ подражалъ Милтону, не столько удачно какъ поема Авель. Однакожъ должно сказать что онъ въ своихъ Идилліяхъ удержалъ и представилъ всю возможную истинну характеровъ мысленныхъ, кои древніе придавали особамъ ими изобрѣтеннымъ. Его Фауны и Нимфы коихъ изо-

бражалъ онъ по образцу древнихъ, имѣютъ такъ сказать душу и Физіономію. Соображаясь сей моделѣ далъ онъ своимъ Фаунамъ сію дерзскую живость сопровождаемую пьянствомъ, которая разлила на нѣкоторыя сцены его Идилліи тени комическіе. Черты сего рода конечно будутъ не очень пріятны читателямъ Французскимъ; я увѣренъ на примѣръ, что включеніе Идилліи названной *разбитая крушка*, возмутитъ ихъ нѣжность. Я чувствовалъ сіе еще упражняясь въ переводѣ, но я не могъ обойтить Идиллію, содержащую въ себѣ собраніе поэзіи весьма богатой и красокъ блистательнѣйшихъ. Все выраженіе не пріятное сей Піэсы, главнѣйше происходитъ отъ слова *крушка*, которое по своевольству счастія почтенно у Французовъ словомъ нискимъ. Я подумалъ что чтецы мои удовольствуются разсмотрѣніемъ того, что Нѣмецкое слово Krug употребленное г. Геснеромъ, не имѣетъ выраженія подлаго на языкѣ его. Я обвиняю себя, что при переводѣ на Французскій языкъ, не поставилъ другое слово, кромѣ *крушка*, и больше ни чего не могу сказать, кромѣ того, что ежели читателемъ моимъ покажется лучше слово *ваза*, или *бакалъ*, они удобно могутъ оное перемѣнить при чтеніи. При переводѣ моемъ я ограничилъ себя, сохранить литерально

ве то изъ мыслей Автора, что позволитъ различїе двухъ языковъ *).

Вотъ все то, что могъ я сказать о семъ сочиненїи, и кончилъ бы сїе извѣстїе, если бы не считалъ за удобное подать здѣсь достаточную идею о богатствѣ Нѣмецкой Литературы въ родѣ пастеральномъ. Не одинъ только г. Геснеръ успѣлъ въ томъ: господинъ *Клейстъ* столь извѣстный по красотѣ своего духа, и славной смерти, первый слѣдовалъ по стопамъ г. Геснера, коему былъ другомъ. Онъ считая, что не одни только пастухи могутъ дѣйствовать въ еклогахъ, ввелъ садовниковъ и рыбаковъ по примѣрамъ Санназара, Гроцїя и самаго Ѳеокрита. Всѣ Идиллїи его писаны стихами, нѣкоторыя съ рифмами, а прочїе безъ рифмъ. Чувствованїя добродѣтели и благотворенїя разлїянныя въ его начертанїяхъ, имѣютъ разительнѣйшее сходство съ Идиллїями Геснеровыми.

Господа *Ростъ* и *Шмидъ*, такъ же заслужили похвалу въ сочиненїяхъ пастушьихъ.

*) Всякїй переводчикъ обязанъ наблюдать сїе правило, онъ не имѣетъ вольности вмѣшивать свои мысли въ чужее сочиненїе; а особливо когда Авторъ заслуживаетъ отъ свѣта уваженїе.

ихъ. Но они избрали пути со всѣмъ противные. Господинъ Ростъ въ своихъ пастушьихъ сказкахъ, приближаетъ дѣйствіе ко временамъ нашимъ. Онъ находитъ нравы меньше дикіе; Лица его суть меньше Романическія, но нравоученія его не таковы чисты. Онъ показываетъ отъ части пріятность и живость ла Фонтенову; желательно чтобъ онъ имѣлъ побольше вольности. Онъ трудился за нѣсколько лѣтъ прежде господина Геснера.

Г. Шмидъ на противъ заимствовалъ всѣ свои предметы въ Библіи, и кажется что главное его намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ собрать вмѣстѣ всѣ превлекательныя содержанія находящіяся въ священномъ писаніи, и украситъ оныя цвѣтами стихотворческими: Сочиненіе его имѣетъ заглавіе, *картины и чувствованія піитическія извлеченныя изъ священнаго писанія*. Кажется что онъ старался всѣ куски сего собранія превратить въ Идилліи, что и даетъ намъ право помѣстить сего Автора въ число стихотворцевъ пасторальныхъ. Никто не доказываетъ лучше истинну того, что г. Геснеръ замѣтилъ въ своемъ предисловіи на Аналогію жизни пастырей и древнихъ Патріарховъ. Г. Шмидъ дѣлаетъ великое употребленіе фигурамъ, оборотамъ

и

и выраженїямъ доставляемымъ ему св. Писанїемъ; Идиллїи его писаны отъ части стихами Гексаметрическими, а прочїя въ прозѣ. Стихи его не имѣютъ согласїя Клопштокова, а проза его еще и больше уступаетъ Геснеровой; но во образѣ изображать природу, начертать чувствованїя съ истинною, смѣшивать высокое съ простотою, онъ почти безподобенъ. Вотъ Идиллїя, которую выбралъ я нечаянно, для поданїя понятїя о его сочиненїи.

Ламехъ и Цилла.

— — Вечеръ насталъ, изображенїе луны дрожащее и раздробленное носилось на поверхности чистаго источника, при брегѣ коего Ламехъ лежалъ на мягкой травѣ. Исполненъ нѣжныя не терпѣливости, взираетъ онъ еще разъ въ округъ себя, въ сторону густаго розоваго кустарника и внизъ по теченїю блестящаго источника. Она нейдетъ, сказалъ онъ, я запою пѣсню въ уединенїи съ ручьемъ и эхомъ. Онъ начинаетъ тако: „ Сколь я не-„ счастенъ! она нейдетъ! источникъ ко-„ его внемлю я журчанїе, сплачь со мною! „ она нейдетъ! сїя дщерь небесная, сїя „ красота божественная, кого человѣки на-„ зываютъ *Ада*. Зачѣмъ пождаетъ она

 такъ

„ такъ долго? . . . . Можетъ быть она
„ предалась уже сну? . . . Розы пошлите
„ къ ней ваши ароматическія дыханія.
„ Чтобъ мои пламенные вздохи понесли
„ ваши благовонія къ постелѣ моей воз-
„ любленной! ахъ еслибъ она на меня
„ усмѣхнулась во снѣ своемъ! . . . Но
„ можетъ быть она теперь сидитъ подъ
„ лиственною сенью прикрывающею входъ
„ въ шалашь ея. Чтобъ мои пламенныя воз-
„ дыханія долетѣли къ ней, смѣшенны съ
„ ароматами розовъ! чтобъ она ихъ вдох-
„ нула, и съ ними вдохнула нѣжность!
„ моя красавица, моя возлюбленная! . . .
„ Моя Ада! . . . Да, я могу назвать те-
„ бя такъ: превѣчный даетъ мнѣ то. Сей
„ сладкій помыслъ приводитъ въ біеніе
„ зазженную грудь мою. Я останусь ле-
„ жать на сей муравѣ, пока первые лучи
„ Авроры меня разбудятъ. Тогда она при-
„ детъ гонящая свое стадо. Она будетъ
„ выступать тихимъ шествіемъ, *онъ*
„ *спитъ еще во удаленіи отъ меня*,
„ скажетъ она самой себѣ, безпрестанно
„ приближаясь къ зеленому лугу: между
„ тѣмъ лежащій на травѣ я алчно вслу-
„ шиваюсь, приложа ухо къ землѣ, для
„ примѣчанія шуму происходящаго отъ
„ легкихъ шаговъ ея. Ночь продолжитель-
нѣйшая,

„ нѣйшая, спѣши протечь! уже кудри
„ власовъ моихъ овлажнились росою, а въ
„ нѣжныхъ слезахъ утопаютъ мои очи....
„ Ахъ, когда она меня увидитъ ... Какъ
„ лице ея покроется румянцомъ! ... Вос-
„ поминанїе объ ней есть для меня объ-
„ щанїемъ долгаго вѣка .... Медъ не
„ таковъ во устахъ сладокъ, звукъ со-
„ гласной лиры не таковъ прїятенъ на
„ празднествахъ, какъ для меня воспоми-
„ нанїе Ады. Я перейду подъ сїю пальму,
„ тамъ она увидитъ меня скорѣе: тамъ
„ лягу я на муравѣ дабы послышать изъ
„ далека шумъ ея шествїя. Я подамъ ей
„ руку вздохнувши: я упаду въ ея недра.
„ Очи мои во слезахъ погруженныя тро-
„ нутъ тогда ея сердце......

Тако воспѣвалъ Ламехъ, и возставалъ уже чтобъ итить возлечь подъ пальмою, какъ вдругъ *Цилла* исходитъ изъ густины кустарника. „ Ахъ Ламехъ, кричитъ она, „ ты обманулъ меня. Я узнала что ты „ любишь Аду. Зачѣмъ ты обманулъ меня?

Ламехъ. „ Цилла, какъ ты случи-
„ лась столь поздо въ семъ мѣстѣ? не
„ гнѣвайся Цилла, ты меня подслуша-
„ ла ... Это красавица тебѣ подобная,
„ кою я воспѣвалъ, ты также моя кра-
„ савица.

Цилла.

Цилла. ,, Я оставляю тебя Ламехъ,
,, я иду странствовать и плакать чрезъ
,, всю мою жизнь . . . . . увяньте на всег-
,, да, листы подъ коими Ламехъ называлъ
,, меня своею Циллою . . . Увы! онъ меня
,, оставилъ.

Ламехъ. ,, Я не оставлялъ тебя моя
,, дражайшая Цилла.

Цилла. ,, Вѣки многочисленные про-
,, текшїе надъ главою Адамовою, вы не
,, видали еще таковой измѣны . . . . Ты
,, первой между человѣкъ обманувшїй дѣ-
,, вицу . . . . . Когда я забавлялась еще въ
,, первомъ моемъ младенчествѣ, Ламехъ
,, бралъ меня къ себѣ на руки. Увы съ
,, того времяни онъ мнѣ говаривалъ еже-
,, дневно, цалуя меня тысячекратно, что
,, меня любитъ . . . . Могла ли я думать
,, что ты былъ вѣроломной? увы! когда
,, ты меня видалъ, ты прыгалъ округъ
,, меня, глаза твои зрѣли только счастїе
,, и твою Циллу . . . а когда ты не ви-
,, дѣлъ меня, глава твоя наклонялась
,, какъ стебль кедра согбеннаго бурею. Но
,, прощай, ты обманулъ меня. Покрытая
,, горестїю и стыдомъ я удалюсь въ пусты-
,, ню: тамъ растянувшись на пескахъ,
,, проплачу во всю жизнь мою.

Ламехъ

Ламехъ. „Постой, моя возлюблен-
„ная, моя дражайшая супруга! Ахъ
„ Цилла . . . За чѣмъ хочешь ты бѣжать
„ отъ меня?

Цилла. „Какъ могу я быть еще
„ супругою Ламеху? уже Ада супруга
„ твоя... Люби меня такъ какъ любилъ
„ прежде. Вспомни о своихъ клятвахъ, о
„ твоихъ объятіяхъ столь нѣжныхъ. . . .

Ламехъ. „Сей ясный свѣтильникъ
„ небесный прежде забудетъ освѣщать ночи,
„ но я тебя ни когда не забуду. Вѣрность
„ моя восторжествуетъ надъ силою моей
„ страсти.

Цилла. Да, ежели сердце твое спра-
„ ведливо, ежели ты боишься всемогущаго,
„ ты не допустишь меня упасть отъ моей
„ горести. Я имѣю право удержать твою
„ нѣжность: давно уже оная надлежитъ
„ мнѣ, и смотри: я столькожъ пригожа
„ какъ и Ада. Станъ мой подобится отра-
„ сли младой оливы. Зри Ламехъ, видъ
„ мой пріятенъ; гряди успокоиться на
„ моемъ сердце, да бы оное сообщило тебѣ
„ свою вѣрность. Зри! сей взглядъ бли-
„ стающій чистѣйшимъ пламенемъ. . .
„ Часто я упреждаю моимъ пѣніемъ воз-
„ вращеніе утра, звоны моего голоса воз-
„ буж-

„ буждаютъ птичекъ. Я воспѣваю благоденствiе изливаемое на меня Ламехомъ; „ Я воспѣваю счастiе кое хочу соткать съ „ его жизнiю. Потомъ, бѣгу тебя искать, „ и твои пламенные поцалуи вѣщаютъ „ мнѣ что ты меня любишь. Ламехъ, для „ чего далъ ты мнѣ узнать нѣжность?... „ Будь свидѣтельницею цѣломудренная „ Луна, и вы пальмы уединенныя будьте „ свидѣтели. Я не знала что это была „ любовь; но мое сердце, мое нѣжное сердце „ и моя цвѣтущая юность тебѣ нравились, и ты увѣрялъ меня что буду я „ твоя.

Ламехъ. „ Ты будешь моя, Цилла: „ ты прекрасна и я боюсь всемогущаго: „ Но... Ахъ, сколь унываетъ мое сердце!.. „ Я оставляю Аду! Увы я ею люблю, я „ люблю ее какъ тебя! должно тебѣ признаться.... Не гнѣвайся, Цилла.

Цилла. „ Ламехъ, но прекраснѣе ли „ меня Ада!

Ламехъ. „ Душа ея прекрасна, душа „ ея уподобляется твоей. Красота ея почти блистательнѣе звѣздъ.... Боже! я „ вижу ее еще спящую, такъ какъ вчерась, „ въ рощицѣ посреди цвѣтовъ, окруженную „ ихъ благовонными испаренiями. Добродѣ-

щедь

„ тель наполняетъ ея сердце. Усмѣшка ея
„ превышаетъ пріятности весны. Взоръ
„ очей ея уподобляется взору Адамову воз-
„ веденному на Еву прежде ихъ паденія...
„ Тогда то она похитила покой мой...
„ Казалось мнѣ, что я видѣлъ Ангела
„ Божія... Но, *Цилла*, она не такъ лас-
„ кова какъ ты? Она другъ тебѣ. Но...
„ Послушай, Цилла... Позволь мнѣ вы-
„ сказать тебѣ мои мысли.... Не думаешь
„ ли ты что чувствительность моего сер-
„ дца не можетъ имѣть такого простран-
„ ства, чтобъ любить обѣихъ васъ рав-
„ ною нѣжностію?... Обѣихъ какъ су-
„ пругъ моихъ?

Цилла. „ О изумленіе! о ужасъ!...
„ Какъ Ламехъ!

Ламехъ. „ Не взирай на меня окомъ
„ негодующимъ, о Цилла!... Щоки мои
„ трясутся, я не могу сносить гнѣва
„ твоего... Между тѣмъ меньше ли до-
„ стойно человѣка горѣть къ двумъ, чѣмъ
„ къ одной?.. Что великодушнѣе, любить
„ ли васъ *ту и другую*, чѣмъ оставить
„ одну изъ васъ?... Оставить или тебя
„ моя Цилла?... Или ее мою Аду?....
„ Ахъ Цилла! нѣтъ, ты не можешь поже-
„ лать.... Что осмѣлился я говорить?

„ почто

„ почто слова мои столь быстро низтекли
„ съ языка моего? . . . Цилла, не гнѣвайся.

Цилла. „ Я знаю Ламехъ, Ада тебя
„ достойна. Но если ты не возводишь про-
„ тиву меня чело обманщика; о если я
„ только участвую въ любви твоей! я поже-
„ ртвую моимъ правомъ твоему покою и
„ буду еще довольно счаслива. Ада рождена
„ съ сердцемъ добрымъ, и я любя тебя,
„ люблю и ею такъ же.

Ламехъ. „ Сколько вознамѣренїе твое
„ меня восхищаетъ! по истиннѣ душа
„ твоя сотворена изъ всѣхъ чувствованїи
„ Небесныхъ.

Тогда Ламехъ исполненный горячности
„ обнялъ ее. „ Я боялся открыть тебѣ
„ Лавиринфъ моего сердца. Цилла, говорилъ
„ я самъ себѣ, можетъ подумать что нѣтъ
„ во мнѣ ни какой правды. Между тѣмъ
„ двѣ души образованныя совершенно для
„ меня, двѣ души предъ коими моя летаетъ
„ и безъ остатка изливается! ахъ, для
„ чего и не любить? Отецъ человѣковъ то
„ позволяетъ . . . Теперь, Цилла, осмѣ-
„ люсь я вопросить тебя! не согласишься
„ ли ты? . . . Пойдемъ, звѣзды сїи не взо-
„ шли еще на равнѣ съ симъ лѣсомъ . . .
„ Пойдемъ искать Аду . . . Она обѣщала

„ мнѣ

„ мнѣ притти сюда, но стыдливая не-
„ винность ея удерживаетъ. Пойдемъ,
„ чтобъ мы могли разсуждать вмѣстѣ, и
„ чтобъ въ послѣдствѣ свѣтило ночное осі-
„ яло надъ нами.

Цилла. „ Я сотоварыществую тебя,
„ и свѣтъ луны поможетъ намъ достиг-
„ нуть ея куши. О какъ она удивится!...
„ Я сама скажу ей сколько сердце твое от-
„ кровенно.

Ламехъ. „ Вѣрная Цилла, потомки
„ наши восторжествуютъ день сей, и бла-
„ гословятъ союзъ основанный на добродѣ-
„ тели.

Цилла. „ Вѣдаетъ ли уже Ада о любви
„ нашей?

Ламехъ. „ Она знаетъ что я люблю
„ тебя, и опасаясь тебѣ противуборство-
„ вать, отказала мнѣ въ своемъ сердцѣ.
„ Но если ты любишь такъ же, Цилла,
„ то.....

Цилла. „ Пойдемъ, мой возлюбленный!

Такъ разговаривали Ламехъ и Цилла; они спѣшатъ къ Адѣ, и заключаютъ узы вѣчнаго согласія. Совокупленные ихъ дни протекаютъ въ безпрерывномъ восхищеніи и въ счасливомъ покоѣ. Теченіе ихъ было столько жъ кротко, какъ ліяніе источ-

ника,

ника, при брегѣ коего Ламехъ избралъ сію чету прїятную, сихъ двухъ супругъ небесныхъ. — —

Естьли сей опытъ можетъ нравиться, можно доставить обществу и полное сочиненїе; отъ одобренїя его зависитъ то, чтобъ могъ я познакомить оное съ первенствующими Нѣмецкими Авторами. Нѣмцы можетъ быть нынѣ заслуживаютъ уваженїе по своимъ сочиненїямъ, не меньшее предъ тѣмъ, каковое прїобрѣли отличные писатели другихъ странъ; они имѣютъ множество оригинальныхъ писателей. Стихотворенїя ихъ кажется что блистаютъ двумя первенствующими частьми, живописанїемъ подробностей естественныхъ, и живымъ выраженїемъ чувствъ; какъ то сказалъ г. Аббатъ Арнодъ въ журналѣ иностранцевъ, на случай изданїя Идиллїи г. Шмида: „что оныя кажутся быть „весьма близкими къ натурѣ.“ Леетнѣйшая похвала, каковую только можно дать. Можетъ быть есть и во мнѣ слѣпое пристрастїе къ Нѣмецкимъ Авторамъ, но кажется мнѣ, что они соединяютъ въ себѣ отважность Англичанъ съ нѣкоторою воздержностїю, и остроумїе Французовъ съ нѣкоторымъ благонравїемъ.

ПРЕДИ-

ПРЕДИСЛОВІЕ

Авторово.

Сїи *Идиллїи* суть плодъ нѣкоторыхъ прїятнѣйшихъ часовъ мною препровожденныхъ. Какое положенїе въ самомъ дѣлѣ можетъ быть прїятнѣе того, когда душа наша въ воспламѣненїи страсти, выводитъ воображенїе свое изъ среды нашихъ нравовъ для перенесенїя въ счастливыя времяна златаго вѣка? все то что представляетъ тихое спокойство, благополучїе сладкое и невозмутительное, должно нравиться сердцамъ добрымъ, и явленїя заимствуемыя Поезїею изъ натуры не поврежденной, тѣмъ больше насъ утѣшаютъ, что почасту кажутся имѣть нѣкое сходство съ минутами нашей

жизни

жизни, въ которыхъ мы были болѣе счасливы. Желалось мнѣ иногда вырваться изъ города и искать убѣжища въ деревняхъ уединенныхъ. Тамо позорище красоты естественной извлекало изъ души моей вонъ, всѣ огорченїя, всѣ досадныя впечатленїя кои я привезъ съ собою. Восхищаемый видомъ сего удивительнаго позорища, проницаемый тысячью нѣжныхъ чувствованїи, былъ я столь же счастливъ какъ пастухъ златаго вѣка, и богатѣе Царя.

Еклога воздвигла свои явленїя въ самыхъ тѣхъ деревняхъ, кои имѣютъ толикое право на наше сердце. Оная содержитъ обитателей достойныхъ таковаго пребыванїя; оная учреждаетъ по правиламъ естества жизнь сихъ счасливыхъ человѣковъ и живую простоту

стоту ихъ нравовъ, образъ ихъ жизни и ихъ склонностей, во всѣхъ положенїяхъ какъ доброй такъ и худой участи. Ихъ души и ихъ сердца еще не причастныя поврежденїю; содержутъ всю правоту начальную. Освобожденныя отъ рабскихъ узъ обычая и сего множество нуждъ, кои одно злочастное удаленїе наше отъ природы намъ приключаетъ, они прїемлютъ свое благополучїе не посрѣдственно изъ рукъ сей благотворной матери, и обитаютъ въ жилищѣ, гдѣ оная не многой требуетъ помощи, для выполненїя ихъ невинныхъ надобностей, и для доставленїя имъ жизни изобильной и покойной. Еклога одним словомъ, представляетъ намъ картину сего златаго вѣка, который безъ сумнѣнїя нѣкогда существовалъ, въ чемъ можно удос-

 товѣ-

товѣрить себя читая исторїю Патрїярховъ. Простота нравовъ изображаемая Омиромъ въ его писанїяхъ, кажется быть еще остаткомъ сего перваго вѣка, удержаннымъ во времяна Героическїя.

Отъ сюда происходитъ, что въ семъ родѣ поэзїи есть особливая выгода переносить мѣсто дѣйствїя въ первый вѣкъ свѣта: Явленїя отъ того получаютъ видъ правдоподобїя, коего не могутъ имѣть въ нашихъ времянахъ новѣйшихъ, въ которыя несчастные обитатели деревень, принуждены себя осуждать къ труднѣйшимъ работамъ, для доставленїя своему Государю и обитателямъ городовъ расточительнаго изобилїя, стенаютъ подъ тяжестїю податей и бѣдности, коихъ непремѣнность учинила ихъ грубыми, лукавыми и подлыми. Я не

не утверждаю, однако чтобъ Пїитъ предпрїемлющїй писать въ родѣ пастушьемъ, не могъ открыть новыхъ источниковъ красоты, наблюдая образъ мыслей и нравовъ нашихъ земледѣльцовъ. Но ему потребенъ вкусъ весьма тонкїй, чтобы избрать черты сїи и отнять оныхъ грубость, не нарушая формы и ударенїя ихъ характеры составляющихъ.

Я всегда взиралъ на Ѳеокрита, какъ на лучшїй образецъ сего рода поэзїи. Онъ выразилъ съ величайшею истинною, простоту чувствъ и нравовъ пастушьихъ. Онъ совершенно представилъ сїю полевую и прекрасную простоту природы, кою зналъ до малѣйшихъ подробностей. Видимо въ его Идиллїяхъ лучшее нежели лилїи и розы. Живопись его не есть дѣло воображенїя, коего

работа ограничивается прикосновенїемъ къ предмѣтамъ довольно извѣстнымъ и поражающимъ взоры мало внимательные: оная кажется быть начертанною съ самой натуры, имѣющей въ себѣ любви достойную простоту. Онъ далъ своимъ пастухамъ высочайшїй видъ чистосердечїя Они выражаютъ чувствованїя, кои ихъ сердца честныя и правдивыя помѣщаютъ на устахъ своихъ. Украшенїя пїитическїя ихъ разговоровъ всѣ извлечены изъ ихъ упражненїи, или изъ натуры кою науки еще непреобразили. Оныя весьма удалены отъ духа Епиграмматическаго и распоряженїя схоластическаго перїодовъ. Ѳеокритъ вѣдалъ трудное искуство помѣщать въ своихъ стихахъ сїю любезную безпечность характерзирующую первое дѣтство поэзїи. Онъ

умѣлъ

умѣлъ придавать своимъ пѣснямъ сей видъ прелестной невинности, въ которой не было не достатка въ первомъ вѣкѣ, когда чувствованія правыя честнаго сердца воспламеняли воображеніе, кое картины смѣющейся натуры наполняло совершенно. Должно припомянуть что простота нравовъ меньше поврежденныхъ въ его вѣкѣ, и почтеніе въ каковомъ было еще земледѣліе, довольно облегчали трудъ его. Духъ Епиграмматическій не былъ еще въ модѣ; добрый смыслъ и чувствованіе истинной красоты наполняли тогда мѣсто выдумокъ.

Величайшимъ опытомъ есть для меня то, что Ѳеокритъ поистиннѣ превосходный въ своемъ родѣ, не нравиться токмо не многимъ людемъ. Онъ никогда не понравиться не знающимъ чувствовать красоту

природы да же въ мѣлчайшихъ ея подробностяхъ, ни тѣмъ кои имѣютъ высокопарныя чувства, ни тѣмъ которые не умѣютъ вкушать опричь островыдуманныхъ но ложныхъ забавъ. Чтобъ угодить имъ, потребно представить пастуховъ размышляющихъ равномѣрно какъ и пїитъ великаго дарованїя, и кои знали бы обращать чувства въ тончайшее искуство. Не извѣстно мнѣ не отъ зависти ли происходитъ, что большая часть новѣйшихъ писателей пренебрегаетъ учиться испытавать натуру, и знакомиться съ чувствованїемъ невинности; или изъ потворства нашимъ поврежденнымъ нравамъ и воззрѣнїя на то что должно будетъ вообще согласиться, что они весьма удалились отъ Θеокрита. Что жъ надлежитъ до меня, я располагалъ

правила

правила мои по образцу; и надѣюсь что подражалъ счаcливо, хотя равно какъ и онъ не понравлюсь означеннымъ особамъ. Вѣдаю я что въ самомъ дѣлѣ есть у Θеокрита небольшее число подобiи и выраженiи кои съ перемѣною достигли въ наши нравы и коихъ обычай сталъ для насъ гнусенъ. Но между тѣмъ не говорю я о тѣхъ чертахъ кои нѣкоторый переводчикъ Французъ не могъ терпѣть у Виргилiя, я говорю только о тѣхъ кои самъ Виргилiи подражая Θеокриту оставилъ.

ИДИЛЛІИ
Г. ГЕСНЕРА.

ИДИЛЛІЯ ПЕРВАЯ.

Къ Дафнѣ.

Не свирѣпыхъ и обагренныхъ кровїю героевъ, ни поля битвъ покрытыя трупами, воспѣваетъ моя играющая муза. Бывъ кротка и боязлива, убѣгаетъ она, держа въ рукѣ свою свирель, отъ дѣйствїй печальныхъ и возмутительныхъ.

Привлекаемая журчанїемъ и прохладностїю Источниковъ, теньми молчаливыми священныхъ рощицъ, видима она иногда бродящая по бережкамъ обросшимъ тростниками; иногда подъ зелеными наклонами дорогъ темныхъ, ступаетъ она ногами по цвѣткамъ; иногда покоится она на мягкой травкѣ и выдумаетъ для тебя пѣсни; для одной тебя, о прекрасная Дафна! ибо душа твоя исполненная добродѣтели и невинности свѣтла какъ прекраснѣйшее весеннее утро. Живѣйшее веселїе, играющая усмѣшка летаютъ безпрестанно округъ твоихъ прелестныхъ устъ и щекъ румяныхъ: кроткая радость изображается во очахъ твоихъ. Да, со времяни какъ назвала ты меня твоимъ другомъ, о дражайшая Дафна! время прошедшее и идущее кажется въ глазахъ моихъ яснѣе свѣта, радость и роскошь сотовариществуютъ всѣмъ днямъ моимъ.

Да

Да понравятся тебѣ сїи простыя пѣсни, кои часто слышитъ моя муза повторяемыя пастухами! не рѣдко Она прячется въ густынѣ лѣсовъ, для слушанїя Дрїадъ и Сатировъ съ козьими ногами; Она заглядываетъ въ Пещеры Нимфъ увѣнчанныхъ Осокою: иногда посещаетъ она куши покрытыя мохомъ, окруженныя спокойными тенями насажденными рукою землядѣльцовъ. Она заимствуетъ черты въ коихъ блистаютъ величїе души, добродѣтель и счасливая невинность, которыя веселость никогда не возмущается. Часто такъ же и любовь приходитъ уловить ее; иногда въ зеленыхъ гротахъ, переплетенныхъ густыми ветьвми, иногда близъ источниковъ въ теняхъ Ракитника, она слушаетъ ея пѣнїе и вѣнчаетъ распущенные ея волосы, когда она торжествуетъ нѣжность и сладкїя утѣхи.

Я не хочу, о моя Дафна, инаго награжденїя за мое пѣнїе, я не хочу

иной славы, какъ только сидѣть близъ тебя и видѣть твои прекрасныя очи съ нѣжностїю на мои устремлѣнныя, возвѣщающїя мнѣ съ прелестною улыбкою твое одобренїе. Чтобъ другой не столько какъ я счасливый, упоенъ былъ мыслїю доставить потомству славу своихъ пѣсней! чтобъ его поздные сродники разсыпали Цвѣты на его могилѣ, чтобъ постаралисѣ окружить древесами его надгробїе, и доставить нѣкогда прохладную сень его праху.

ИДИЛЛІЯ II.

Милонъ.

О ты, коея большїя черныя очи нравятся мнѣ лучше прохладности утра! О! какъ люблю я взирать на твои темнорусыѣ волосы съ прїятностїю треплющїеся подъ плетенками Цвѣтовъ и играющїе съ Зе-

фирами! какая прелесть когда твои румяныя уста отверзаются для усмѣшки! какая еще множайшая прелесть, когда оныя раскрываются для пѣнія! Я слышалъ тебя, Хлоя, о, я слышалъ тебя, какъ ты въ одинъ день пѣла на бережку сего источника осеняемаго двумя дубама. Внимая тебя я досадовалъ, что птички прерывали твой голосъ своимъ щебетаніемъ, я досадовалъ что ручей продолжалъ журчаніе. Я видѣлъ уже девятнатцать жатвъ, я пригожъ и смугловатъ лицемъ; не однажди замѣтилъ я, что пастухи оставляютъ свое пѣніе дабы послушать моего, когда оное раздастся по долинамъ, и ни какая Свирель не можетъ лучше подстать къ твоему голосу какъ мой. Полюби меня, прекрасная Хлоя! посмотри какъ пріятно обитать въ гротѣ занимаемомъ мною на семъ Холмѣ. Посмотри какъ красиво сія Павилика сплелась съ зеленью навислаго скала, коего вершина увѣнчана терновыми кустами.

Пещера моя покойная, стены ея обиты мягкими кожами: Я насадилъ Тыквъ при входѣ; оныя взросли сгущаясь и составивъ заслонъ отъ дневнаго свѣта. Смотри какъ вода упадаетъ съ пеною съ высоты Холма моего, и течетъ по томъ по Кресу сбочь цвѣтущихъ травъ; послѣ того у подошвы косогора собирается въ маленькое озерко окруженное осокою и Ракитникомъ. Тамо часто при тихомъ сїянїи луны, Нимфы пляшутъ подъ голосъ моей свирели; тогда какъ легкїе Фауны прыгаютъ замѣчая ладъ своими кроталами (*). Смотри на полугорѣ какъ сїи Орѣшины сплетенїемъ своимъ составляютъ зеленый гротъ: смотри какъ сїя ежевика съ черноватымъ плодомъ

*) Кроталы составляли по двѣ связанныхъ простины, кои держа въ обѣихъ рукахъ ударяли другъ объ друга, для замѣчанїя каданса въ пѣнїи и игрѣ на инструментахъ.

плодомъ своимъ ростетъ въ округъ моего жилища. Смотри на ветьви сей рябины покрытыя ягодами самыми алыми: смотри на сïи Яблони обвитыя зеленью виноградной и обремененныя плодами. О Хлоя! всѣ сïе мнѣ надлежитъ! чего бы желать больше? но увы. Есть ли ты меня не любишь, мрачный туманъ покроетъ сïю красивую окрестность. Ахъ Хлоя! полюби меня! мы будемъ здѣсь сидѣть на мягкой травкѣ, между тѣмъ какъ козы наши будутъ громостится по скаламъ и навислостямъ горы, а овцы и тѣлицы въ округъ насъ щипать густую траву; по томъ возведши наши взоры на низъ по пространной долинѣ, узримъ поверхность свѣтящагося моря, гдѣ тритоны играя выскакиваютъ, и куда фебъ низходитъ съ своей Колесницы. Мы воспоемъ и голоса наши раздадутся отголосками по окрестнымъ горамъ: Нимфы, и сатиры съ козьими ногами остановятся насъ слушать.

Тако пѣлъ Милонъ, пастухъ живущій въ гротѣ, а Хлоя между тѣмъ вслушивалась изъ рощи. Она подходитъ усмѣхаясь и беретъ пастуха за руку: О милонъ, пастухъ живущій въ гротѣ — говоритъ она — Я люблю тебя больше нежели овцы любятъ цвѣтки дятлину, больше чѣмъ птички любятъ пѣніе: веди меня въ гротъ твой: медъ меньше для меня сладокъ твоихъ лобзаній, и источники журчатъ съ меньшею пріятностію для ушей моихъ.

ИДИЛЛІЯ III.

Идасъ и Миконъ

Идасъ

Я поздравляю тебя, Миконъ, любезный пѣвецъ! когда ты появляешься, сердце мое трепещетъ отъ радости. Съ тѣхъ поръ какъ ты сидѣвъ на камнѣ на берегу источника, воспѣвалъ весеннею пѣсню, я не видалъ тебя.

Ми-

Миконъ

Я поздравляю тебя Идасъ, любезный игрокъ на свирѣлѣ! Хочешь ли чтобь мы сыскали покрытое мѣсто, да бы сѣсть подъ тенью?

Идасъ.

Взойдемъ на сїю высоту, гдѣ ростетъ большой дубъ Палемоновъ. Онъ далеко распростираетъ сень свою, и вѣтерокъ прохладный безпрестанно подъ нимъ летаетъ. Между тѣмъ мои козы взгромостятся на сей крутый утесъ, и погложутъ мягкїя ветви. Смотри какъ сїе красивое дерево простираетъ на всѣ стороны длинныя ветви и разливаетъ своею тенью прїятной холодокъ; сядемъ здѣсь близъ сихъ дикихъ розъ, легкїе зефиры поиграютъ нашими кудрями. Ахъ Миконъ! сїе мѣсто на всегда для меня священно. О Палемонъ! сей дубъ пре-

будетъ вѣчно почтеннымъ памятникомъ твоей праведности! Палемонъ имѣлъ маленькое стадо, онъ принесъ на жертву нѣсколько овецъ богу Пану. О Панъ! кричалъ онъ, умножь мое стадо, дабы я могъ дать часть онаго бѣдному моему сосѣду! Панъ сотворилъ что въ годъ стадо Палемоново умножилось половиною, и Палемонъ отдалъ половину своего стада своему бѣдному сосѣду. Послѣ того учинилъ онъ жертву Пану на семъ пригоркѣ, и посадилъ дубъ сказавъ: о Панъ! колико день сей въ который исполнились мои желанія пребудетъ на всегда священъ для меня! благослови сей дубъ, дабы я ежегодно могъ приносить тебѣ Жертву подъ его тенію! — Миконъ, хочешь ли чтобъ я пропѣлъ тебѣ пѣсню, кою я ежедневно пою подъ симъ дубомъ?

Миконъ.

Ежели ты выучишь меня сей пѣснѣ, я подарю тебѣ сію свирель

рель съ девятью скважинами: самъ я оную вырѣзалъ изъ тростинъ, выбирая оныя рачительно по берегамъ, и слепилъ благовоннымъ воскомъ.

Тогда Идасъ воспѣлъ.

„О вы, ветви гибкїя, простирающїяся въ округъ надъ моею головою!
„сень ваша вдыхаетъ въ меня восторгъ священный. Сладкїе Зефиры!
„когда ваше дуновенїе меня прохлаждаетъ, мнѣ кажется что божество невидимое окрестъ меня
„летаетъ. И вы Козы и Овцы! щадите, ахъ щадите младый виноградникъ выростающїй у подножїя сего дуба! не исторгайте
„его! что бы онъ обвился по всему сѣдеющему его стеблю, и учинилъ
„въ округъ его зеленыя гирланды!
„О древо! да никогда громъ, да
„никогда буйливые вѣтры не опровергнутъ возвышенную твою вершину! боги сего желаютъ! ты

„ пребудешь во всѣ времяна памят-
„ никомъ благотворенія; Твоя вели-
„ колѣпная глава достигнетъ обла-
„ ковъ; пастухъ увидитъ ее изъ
„ далека, и покажетъ своему сыну
„ въ наставленіе; нѣжная мать уви-
„ дитъ и раскажетъ похожденіе
„ Палемоново своему младенцу, ко-
„ торый послушаетъ оное внима-
„ тельно, сидящій на ея коленахъ.
„ Ахъ пастухи! оставляйте по
„ себѣ таковые памятники; дабы
„ нѣкогда бродящіе въ мрачности
„ нашихъ рощъ, мы при воззрѣніи
„ на нихъ испытали священное вос-
„ хищеніе.

Тако пѣлъ Идасъ: уже давно кончилъ онъ свое пѣніе, но Миконъ пребываетъ сидящъ, и чаетъ еще его слушать. Ахъ Идасъ — сказалъ онъ — прохладность утра меня обвороживаетъ, возвратъ весны меня восхищаетъ, но дѣянія человѣковъ добродѣтельныхъ нравятся мнѣ больше. Онъ рекъ и отдаетъ пастуху свирель съ девятью скважинами.

ИДИЛЛІЯ IV.

Дафнидъ.

Во время прекраснаго утра въ Генварѣ, Дафнидъ сидѣлъ въ своей хижинѣ: тресчащій пламень отъ сухихъ дровъ распространялъ пріятную теплоту въ округъ себя, между тѣмъ какъ зима погружала избушку въ которой онъ находился въ густыхъ своихъ снѣжныхъ сугробахъ. Пастухъ съ спокойнымъ видомъ бросаетъ свои взоры въ узкое окошечко, и проводитъ оное по полямъ опустошеннымъ Аквилонами.

О зима! не взирая на твою суровость, имѣешь ты свои пріятности! какое смѣющееся сіяніе Солнца разстилается сквозь легкія туманы по симъ буграмъ убѣленнымъ инеемъ! сколь снѣги сіи блистательны; какія великолѣпныя картины представляются, здѣсь черные пни и

ветви загнувшіяся и нагота сихъ древесъ проглядываютъ сквозь сіи ковры наводящіе тускъ зрѣнію; тамъ, сія сѣроватая хижина которыя верхъ покрытъ снѣгомъ; потомъ, сіи ограды терновыя, коихъ тѣмный цвѣтъ просѣкаетъ бѣлизну единообразную полей.

Рожь проросшая на нашихъ озимяхъ пронзаетъ снѣгъ своими нѣжными спичками. Сколь прелестно сія родящаяся зелень мѣшается съ бѣлизною покрывающею землю! какое блѣстящее позорище составляютъ сіи сосѣдніе кустарники! роса замерзшая въ видѣ свѣтящихся земчужинъ на сихъ нагбенныхъ веточкахъ и на легкихъ нитяхъ носимыхъ всюду по волѣ вѣтра. Поля лишь теперь пусты: стада запертыя въ своихъ теплыхъ хлевахъ, спокойно отдыхаютъ. Едва покажется иногда слѣдъ вола яремнаго, унывно влекущаго къ сенямъ хижины дрова нарубленныя пастухомъ въ ближнемъ лѣсу. Птички оставили

рощицы.

рощицы. Не видно летающихъ кромѣ уединенныхъ синичекъ, кои поютъ не взирая на стужу; маленькихъ краснозобокъ, прыгающихъ туда и сюда, и смѣлыхъ воробьевъ спускающихся стадами къ дверямъ нашихъ хижинъ для подбиранія зеренъ изъ сору.

Тамо, подъ сею деревенскою кровлею отъкуда восходитъ дымъ валами по среди сихъ древесъ, есть жилище моей Филиды. О моя Филида! можетъ быть ты сидящая близъ твоего ночника горящаго, опершись прекраснымъ лицемъ своимъ на руку, обо мнѣ помышляешь и равно какъ я желаешь возвращенія весны. Ахъ Филида, сколько ты прекрасная! но не одна красота твоя воспалила любовь мною чувствуемую. Я возлюбилъ тебя со дня того, когда двѣ козы юнаго Алексѣя убились упадши съ утесистаго скала. Онъ плакалъ. Отецъ мой бѣденъ, сказалъ онъ, а вотъ погибли двѣ козы, изъ коихъ одна была котна. Увы, я не

смѣю

смѣю возвратиться въ нашу хижину. Ты зрѣла его текущія слезы и сострраданіе заставило тебя плакать. Послѣ, отерши свои слезы, выбрала ты изъ маленькаго своего стада двухъ лучшихъ козъ, и ты сказала печальному пастушку: Алексей, возми сихъ двухъ козъ, одна изъ нихъ котна. Онъ плакалъ отъ радости: ты такъ же плакала отъ радости поправивъ его несчастіе.

О зима! сколько ты ни сурова, но свирель моя отъ того не оставлена висящею въ моей хижинѣ и покрытая пылью. Я не меньше воспѣваю нѣжныхъ пѣсенокъ для моей Филиды. Ты ограбила листы съ древесъ нашихъ, ты покосила цвѣты на нашихъ лугахъ: но я могу еще сплести гирландъ для моей Филиды. Я смѣшаю вѣчную зелень гибкихъ виноградныхъ стеблей съ ихъ гроздами синеватыми. Сія пойманная мною вчерась синичка запоетъ въ хижинѣ моей Филиды. Я отнесу ее къ ней нынѣ вмѣстѣ съ гирландомъ.

Пой

Пой тогда, любезная птичка; забавляй ее твоимъ пріятнымъ счебетаньемъ, она будетъ разговаривать съ тобою съ ласковою усмѣшкою, она будетъ кормитъ тебя изъ своихъ прекрасныхъ рукъ. О! съ какимъ тщаніемъ приложитъ она объ тебѣ старанія свои, помышляя то, что ты получена отъ меня.

ИДИЛЛІЯ V.

Миртилъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, Миртилъ прогуливался около ближняго пруда, коего воды отбрасывали сіяніе мѣсяца: глубокая тишина окрестностей освѣщенныхъ симъ тихимъ свѣтомъ, и нѣжный голосъ соловья удержали его на долго погруженна въ спокойномъ изступленіи. На конецъ онъ входитъ въ сенъ составленную изъ зеленаго винограднка, находившуюся противу его уединенной хижины: онъ находитъ

дитъ престарѣлаго отца своего въ мирномъ снѣ осіяннаго луною. Старикъ лежалъ на дерновомъ помостѣ, посѣдѣвшая глава его покоилась на одной изъ его рукъ. Миртилъ останавляется предъ нимъ прижавъ крестообразно свои руки. На долго пребываетъ онъ въ семъ положеніи: взоры его не подвижно устремлены на его родителя: только время отъ времени взираетъ онъ на небо сквозь листы древесные, и слезы радости текутъ изъ очей его.

О ты, рѣкъ онъ, ты коего я по богахъ больше всего почитаю! О отче мой, какъ покоишься ты сладко! безъ сумнѣнія колеблющіяся стопы твои извели изъ хижины для празднованія вечера святыми твоими молитвами, и ты започивалъ моляся. Ты молился такъже и за меня, о отче мой. Ахъ колико я счасливъ! боги слышатъ твои моленія; ибо впрочемъ какъ бы хижина наша защищена была отъ всякой опасности и осенена ветвями согнувши-

нувшимися подъ тяжестїю плодовъ своихъ? за что бы благословенїе небесное нисходило на стада наши и на плодоносїе нашихъ поль? когда довольный слабыми моими попеченїями о успокоенїи твоей согбенной старости, ты проливаешь радостныя слезы; когда обращая взоры твои къ небесамъ, ты подаешь мнѣ благословенїе съ видомъ удовольственнымъ: ахъ родитель мой, какое чувствованїе меня тогда пронзаетъ! грудь моя вздымается и исторженныя слезы текутъ изъ очей моихъ. Еще нынѣ оставляя мои объятїя выходилъ ты изъ своей хижины для оживотворенїя себя солнечною теплотою, и созерцая окрестъ себя стада пасущїяся на муравѣ, древа обремененныя плодами и плодоносїе разлїянное на всѣхъ нивахъ; власы мои, сказалъ ты, побѣлѣли въ радости. Поля драгїя, будьте на всегда благословенны! моимъ померкающимъ взорамъ не долго уже пробѣгать по васъ. Скоро оставлю я васъ.

для другихъ полей счасливѣйшихъ. Ахъ мой отче, мой лучшій другъ, я вскорѣ долженъ лишиться Тебя! о мысль печальная! тогда увы, я воздвигну Олтаръ сбочь твоего гроба, и во всякій разъ когда удастся мнѣ день блаженный въ который учиню я добро какому ни есть злочастному, о родитель мой, я расточу млеко и цвѣты на твоемъ памятникѣ.

Онъ умолкъ и взиралъ на старика своего очами орошенными слезами. Какъ онъ простертъ спокойно! какъ онъ улыбается по среди сна своего! ахъ безъ сумнѣнія, примолвилъ онъ рыдаючи, его добродѣтельныя дѣйствія, изображаются ему въ сновидѣніи, на челѣ его оказывается выраженіе его благотворительности. Какой мирный блѣскъ разливаетъ Луна на его лысую главу и на его сребровидную бороду! о да не причинятъ тебѣ вреда прохладные вечерніе вѣтры, и роса влажная! при словѣ семъ, цѣлуетъ онъ чело его

для

для мирнаго пробужденія, и вводитъ въ хижину, для доставленія ему на мягкихъ кожахъ сна спокойнѣйшаго.

ИДИЛЛІЯ VI.

Ликасъ и Милонъ.

Юный пѣвецъ Милонъ, коего нѣжный приборододокъ покрывался еще мошкомъ слабымъ, разсыпаннымъ тамъ и сямъ, какъ молодая травка при началѣ весны пробивается близъ снѣжнаго субоя; и пригожій Ликасъ, имѣющіи волосы волнистые и бѣложелтые какъ колоски хлѣбныя въ наступившую жатву, встрѣтились въ одинъ день гонящіе тихимъ шествіемъ стада свои позади буковаго лѣсу. Я поздравляю тебя, Ликасъ, сказалъ пѣвецъ Милонъ, и подалъ ему руку: войдемъ, продолжалъ онъ, въ сей буковый лѣсокъ. Между тѣмъ стада наши посчипятъ мягкой травки по берегамъ сего пруда; а моя прово-

рная

рная собака воспрепятствуетъ имъ разбрестися.

Ликасъ.

Нѣтъ, Милонъ, сядемъ подъ симъ утесомъ, коего возвышенный верхъ наклонился, и коего осѣдшія части покрыты мягкимъ мохомъ. Мѣсто сіе пріятно и прохладительно. Смотри какъ сей чистый Источникъ ниспадаетъ пеняся чрезъ наклонившіеся кусты, и кажется превращающимся въ влажную пыль; какъ онъ шумитъ между сплетшихся ветокъ и спѣшитъ вліяться въ прудъ. Сядемъ въ семъ мѣстѣ пріятномъ и прохладномъ на сихъ камняхъ обросшихъ мохомъ: густая тень сего буковаго лѣсу простирается даже чрезъ насъ.

Они шли сѣсть у подножія утесу, на камняхъ покрытыхъ мохомъ; и Милонъ воспріялъ слово: О Ликасъ — сказалъ онъ — искусный игрокъ на свирелѣ, давно уже слышалъ я похвалу

хвалу твоимъ пѣснямъ; испытаемъ кто изъ насъ воспѣваетъ лучше, ибо музы благопріятствуютъ и мнѣ также. Я поставляю въ воздаяніе сію телицу, кою ты видишь столь красиво испещренную черными по бѣлому пятнами.

Ликасъ.

А я поставляю лучшую козу изъ моего стада съ ея козлятками, сію коя счипетъ листы съ ракитника на берегу пруда, и коея козлятка ходятъ въ округъ ея. Но, Милонъ, кто будетъ судьею? не позвать ли престарѣлаго Меналка? вотъ сего, что трудится проводя токъ источника сего на лугъ идущій въ доль буковаго лѣсу. Онъ знатокъ въ добротѣ пѣнія.

Тогда оба пастуха позвали Меналка; оный пришелъ и сѣлъ близъ нихъ на камнѣ обросшемъ мохомъ, а Милонъ началъ тако:

Милонъ.

Блаженъ тотъ къ коему музы благосклонны. Сколь сладко, когда

сердце

сердце трепещет от радости, сколь сладко произвесть повторение своему пению отголосками по лесам окрестным! мои песни никогда не бывают прелестнее того когда сияние Луны или блеск румяной Авроры восхищают мои чувства. Я ведаю также, что пение дает ясность часам мрачным и облачным. Я обрек им сию как снег белую козу. Я желаю безпрестанно приносить им жертву, украсив прежде рога оныя гирландами цветов и воспевая в честь их гимн новый.

Ликас.

Когда я еще щепетливел, сидящий на коленах отца моего, как он игрывал какую ни будь песенку на своей флейте, я вслушивался с вниманием, и немуя повторял голос после его, либо приносил с улыбкою флейту его к губам моим, и надувал тоны не согласные; но вскоре Пан показался мне во сне. Юноша, сказал он мне, иди

въ лѣсъ искать свирель повѣшенную пѣвцомъ Гиласомъ на дубѣ мнѣ посвященномъ; ты достоинъ играть на оной послѣ его. Вчерась только принесъ я сему богу отросли съ моихъ новыхъ прививковъ, и излилъ предъ нимъ полную кружку масла, а другую полную же кружку молока.

МИЛОНЪ.

Любовь такъ воспламеняетъ насъ къ пѣнію: она одушевляетъ насъ сильнѣе блистанія Авроринa, сильнѣе прохладности теней, и нежели мирное сіяніе Луны. О мгновеніе исполненное прелестей когда добродѣтельная пастушка рукоплещетъ нашимъ пѣснямъ, когда она награждаетъ ихъ сладкою усмѣшкою, или гирландомъ! Дафна назвала меня своимъ другомъ: съ того мгновенія день ясный сіяетъ въ моемъ сердцѣ, такъ какъ весеннее солнце освѣщаетъ наши деревни; съ того мгновенія воспѣваемыя мною пѣсенки стали прекраснѣе. Дафна! о моя Дафна! улыбка твоя такова

кова прелестна какъ благотворной Цереры, и знанїе твое уподобляется знанїю музъ.

ЛИКАСЪ

Увы, долго сердце мое пребывало отъ любви свободно. Бывъ тогда спокоенъ; я воспѣвалъ только похвалы богамъ, имѣлъ попеченїе о стадахъ, искуствѣ прививать деревцы или работать въ виноградникѣ. Но со времяни когда я увидѣлъ Хлою, не воспѣваю уже опричь пѣсенъ жалобныхъ, мрачная печаль отравляетъ всѣ мои утѣхи. Едва не восторжествовалъ я надъ моею любовїю; оная только изъ рѣдка воспоминалась въ моемъ сердцѣ. Но увы, я не смѣю уже больше помышлять о семъ торжествѣ съ тѣхъ поръ какъ опять увидѣлъ Хлою близъ цвѣтущихъ сливъ и какъ услышалъ ея пѣнїе. Зефиры играющїе, резвящїеся въ кусточкахъ, пустили на Хлою дождь цвѣтковый, тѣхъ цвѣтковъ, которыя своею блистающею бѣлизною кажется что пред-

став-

тавляютъ зимнїй снѣгъ въ глазахъ нашихъ.

МИЛОНЪ.

Сбочь сего чернаго сосноваго лѣсу журчитъ ручей выходящїи изъ можжевельника; туда Дафна часто пригоняетъ свое стадо. Въ послѣднїй разъ при восходѣ Авроры, я украсилъ мѣсто сїе гирландами, кои висѣли прицепленные отъ куста на кустъ, и обвиты были въ округъ всякаго дерева: мѣсто сїе казалось святилищамъ весны или любезной венеры. Я хочу, сказалъ я тогда, я хочу еще вырѣзать наши имяна на сей пихтѣ. Я спрячусь по томъ въ какой ни будь кустарникъ, отъ куда узрю ее усмѣхающуюся, и услышу что она скажетъ. Рѣкши сїе, я началъ вырѣзавать на корѣ древесной; какъ вдругъ почувствовалъ вѣнокъ охватившїй чело мое. Прїятное осязанїе тотъ часъ принудило меня оглянуться, и я увидѣлъ усмѣхающуюся Дафну. Я всю слышала,

сказала она, и въ тоже время тиснула въ уста мои нѣжнѣйшїй поцалуй.

Ликасъ.

У подошвы сей горы находится моя хижина отруженная тенью: тамъ ульи пчелъ моихъ раставлены въ два ряда по цвѣтущему берегу источника. Пчелки мои предаются трудамъ своимъ, подъ прохладною тенїю насажденныхъ оливъ. Побужденїе ихъ никогда ихъ не отводило далѣе моего сада, они жузжатъ безрестанно въ округъ древесъ покрытыхъ цвѣтомъ, и собираютъ для меня довольный запасу меду и воску. Взгляни на сихъ бродящихъ въ лугу коровъ; смотри какъ ихъ сосцы надулисъ отъ изобилїя млека, и какъ сїи тучныя тѣлятка играютъ въ округъ ихъ. Смотри какъ многочисленныя мои козы и мои овцы обрываютъ листки древесныя, и счипютъ молодую травку. Вотъ, Хлоя вотъ что боги мнѣ дали; они любятъ

меня

меня для того, что я добродѣтеленъ Не полюбишьли ты, Хлоя, не полюбишь ли меня такъ же, какъ любятъ меня боги, за то что я добродѣтеленъ?

Тако воспѣли пастухи: и Меналкъ сказалъ имъ: кому я присужу награжденіе, пѣвцы любезные? ваше пѣніе сладко какъ медъ; оно течетъ пріятно какъ источника; оно восхищаетъ какъ поцалуй полученный отъ устъ румяныхъ. Возми, Ликасъ, чернопѣгую тѣлицу, и отдай Милону козу съ ея козлятками.

ИДИЛЛІЯ VII.

АМИНТЪ.

Пастухъ Аминтъ возвращался на зарѣ изъ сосѣдственнаго лѣсу, нося топоръ свой подъ мышкою, а за плѣчьми тяжкое бремя кольевъ, коихъ нарубилъ для здѣланія огорожи, какъ вдругъ усмотрѣлъ юный дубъ растущіи на краю быстраго ручья. Усиліе водъ исторгло землю

изъ подъ кореня и оный обнажило, а древо казалось печально ожидающимъ приближающагося своего паденія. Ахъ, сказалъ Аминтъ, весьма жаль будетъ когда столь прекрасное дерево опровергнется симъ не укротимымъ потокомъ! нѣтъ, не скажутъ того что твоя вершина погрузилась въ токѣ семъ и служитъ игралищемъ его ярости! въ самое то время слагаетъ онъ колье коими обремѣнены были плѣча его; (я могу, рѣкъ онъ, опять для себя нарубить:) и втыкая оныя въ землю дѣлаетъ въ округъ дерева крѣпкій оплотъ, и засыпаетъ коренья влажною землею, Когда плотина совершилась, когда обнаженныя корни покрыты землею, онъ беретъ топоръ свой подъ плѣчо, бросаетъ еще разъ на свою работу взоръ удовольственны, и улыбается подъ сенью дуба сохраненнаго его рукою. Онъ готовится возвращатся въ лѣсъ для сысканія новыхъ кольевъ;

но изъ ветвей дуба Дріяда (*) зоветъ къ нему голосомъ ласковымъ: какъ! я оставлю тебя уйтить, не доказавъ тебѣ моего признанія! скажи мнѣ, пастухъ добротворительный, чего желаешь ты что бъ я для тебя здѣлала? я знаю что ты бѣденъ, и что ты не выгоняешь больше пяти овецъ на паству. О Нимфа, если ты позволяешь мнѣ принести къ тебѣ прошеніе, рекъ пастухъ скудный, мой сосѣдъ Палемонъ лежитъ боленъ съ самой жатвы, учини его здрава.

Прозба его выслушана благосклонно, и Палемонъ исцѣлился: но Аминтъ сверхъ того испыталъ покровительство божества въ стадѣ своемъ, въ своихъ древесахъ и въ своихъ плодахъ. Онъ учинился пастухомъ богатымъ; боги не оставляютъ ни какого благотворенія безъ награды.

(*) Дріяды были божество частное дубовъ, они рождались и умирали купно съ деревомъ.

ИДИЛЛІЯ VIII.

ДАМОНЪ и ДАФНА.

Дамонъ.

Прошла уже, Дафна, сія мрачная гроза. Ужасающій звукъ грому не слышенъ болѣе. Не бойся ничего, Дафна, я не вижу ни чего кромѣ Молніи извивающейся длинными огненными нитьми по темной тучѣ облаковъ. Оставимъ сію пещеру, овцы, коихъ страхъ собралъ подъ сіи густые листье, оттряхаютъ съ себя капли водныя висящія на ихъ волнѣ и вновь разбродются по пажитѣ освѣженной тихимъ дождемъ. Пойдемъ и взглянемъ на лучи возвратившагося солнца разливаемыя на землю.

Они исходятъ тогда изъ пещеры, служившей имъ убѣжищемъ держащія другъ друга за руку. Какое великолѣпіе! вопіетъ Дафна, пожимая

руку

руку пастухову; какъ поля смѣются какъ Лазурь небесный кажется живѣе между закрывающихъ оный облаковъ; какъ бѣгутъ облака сіи; какъ тень ихъ передвигается по равнинѣ освѣщенной Солнцемъ! посмотри, Дамонъ, посмотри тамъ хижины и стада въ тени; но вотъ отъ сюда тень уже убѣгаетъ и Солнце заступаетъ ея мѣсто. Смотри какъ она бѣжитъ по перегъ долины на лугу распещренномъ цвѣтами!

Ахъ, Дафна! вопіетъ Дамонъ, посмотри вонъ дуга Ирисина, какъ оная блистательна; смотри какъ она опирается на сей освѣщенной полугорѣ и простирается до косогора на противъ лежащаго. Благосклонная богиня живѣйжими красками водруженными въ мрачное облако, возвѣщаетъ тишину природѣ и кажется улыбающеюся въ долинѣ кою буря пощадила.

Дафна отвѣтствуетъ, охватя нѣжно рукою своею около его щеи: смотри какъ возвращающіеся Зефиры резвятся съ цвѣтами; смотри какъ

капли дождевныя свѣтятся на сихъ цвѣткахъ оживотворенныхъ. Посмотри на сихъ пестрыхъ бабочекъ и сихъ крылатыхъ червячковъ играющихъ по воздуху на лугахъ солнечныхъ, и сей близъ лежащїй прудъ.... О какъ сей обмокшїй терновникъ и сей ивнякъ дрожащїй блѣщутъ въ округъ краевъ его: видишь ли какъ въ немъ тихая вода вновь представляетъ подобїе чистаго неба и окружныхъ древесъ?

Дамонъ.

Обойми меня, Дафна, обойми меня; о какой потокъ радости меня проницаетъ! какъ все окружающее насъ прекрасно! какой не изчерпаемый источникъ восхищенїя! начиная съ животворнаго солнца, до малѣйшаго растенїя, все есть чудо! какой восторгъ меня объемлетъ и увлекаетъ! когда отъ подошвы возвышающагося косогора, поведу я взоры мои по обширной

равнинѣ; когда протянувшись на сей муровѣ, созерцаю безчисленные роды цвѣтовъ, растенiи и ихъ маленькихъ обитателей, или когда въ часы ночные разсматриваю небо усѣянное звѣздами; когда я разсуждаю о возмущенiи погодъ или о смѣси безсмѣтныхъ растенiи... Когда я созерцаю всѣ сiи красоты, грудь моя воздымается, мысли мои сжимаются окрестъ меня, я не могу ихъ разрѣшить; тогда я плачу, упадаю понуренъ и произношу мое изумленiе къ создавшему землю. О Дафна, ни что не сравнительно сему восхищенiю, опричѣ прелести быть любиму тобою.

Дафна.

Ахъ, Дамонъ, моя душа не меньше восхищается при видѣ сихъ красотъ. Оба мы соединясь въ сладчайшемъ объятiи, подивимся вмѣстѣ лучамъ родящимся отъ Авроры, блистанiю заходящаго солнца и мирному сiянiю луны; что бъ трепещущiя груди наши прижатыя другъ къ другу, что

въ безпорядочныя слова наши смѣшались и вѣщали наше изумленіе! какая не выражаемая сладость, когда таковое восхищеніе совокупится съ восхищеніемъ нѣжнѣйшей любви!

ИДИЛЛІЯ IX.

ДАМОНЪ и ФИЛИСА.

Дамонъ.

Я видѣлъ уже шеснатцать разъ весну; но моя дражайшая Филиса, я не видавалъ еще оную столь прекрасною какъ нынѣшнея: вѣдаешьли почему? .... что я стерегу мое стадо близъ тебя.

Филиса.

А я теперь вижу принатцатую весну. Ахъ, дорогой мой Дамонъ, ни одна, нѣтъ ни одна не казалась мнѣ столь прелестною какъ нынѣшнея; знаешь для чего? — и не дождавшись отвѣту, она прижала его вздохнувши къ своей груди.

Дамонъ

Дамонъ.

Видишъ ли Филиса, какъ древеса сей густой рощицы сплетаются наклономъ близъ сего водопада? слышишь ли ты журчанїе сего водомета? пойдемъ отдохнуть на густой травѣ, и....

Филиса.

Съ охотою, мой дорогой Дамонъ, ибо я весела бываю только находясь съ тобою; видишь ли какъ мое сердце бьется отъ радости? ибо... подумай, уже цѣлыхъ пять часовъ какъ я тебя не видала.

Дамонъ.

Садись, моя дорогая Филиса, садись здѣсь на семъ дѣтлоникѣ; о для чего не могу я безпрестанно видѣть твои усмѣшки и твои очи!... Нѣтъ, не гляди на меня такъ, сказалъ онъ, и съ нѣжностїю закрылъ глаза младой пастушки: по истиннѣ, когда твой

 взоръ

взоръ съ сею улыбкою встрѣчается съ моими глазами, я не вѣдаю что со мною дѣлается; я дрожу, я вздыхаю и не могу говорить.

Филиса.

Отними, Дамонъ, отними твою руку съ глазъ моихъ; когда твоя рука мою пожимаетъ я ощущаю то же, я чувствую внутреннее унынїе отъ чего не понимаю, и сердце во мнѣ бьется.

Дамонъ.

Видишь ли, Филиса, видишь ли тамъ подъ симъ деревомъ сихъ двухъ голубей? смотри...... Смотри какъ они дружественно сплетаютъ свои крылушки. Послушай какъ нѣжно они воркуютъ. А! а! вотъ они цалуютъ другъ друга въ свою сизую шѣйку, въ свои головки, и въ свои маленькїе глазки. Давай, Филиса, давай и мы сплетемъ наши руки какъ они сплетаютъ свои крылушки. Протяни ко

мнѣ свою шѣйку и свои глазки, что бъ и я такъ же ихъ поцаловалъ,

Филиса.

Приложи губы свои къ моимъ; и тогда мы станемъ цаловать другъ друга, ты меня, а я тебя.

Дамонъ.

Ахъ Филиса, ахъ сколь сладка сїя забава! очень благодаренъ, очень благодаренъ вамъ прекрасныя голубчики; что бъ ни когда ястребъ не отнялъ жизнь у васъ.

Филиса.

Очень благодарна, прекрасныя голубчики, очень благодарна, летайте сюда ко мнѣ на колени, ступайте жить со мною. Я для васъ соберу въ поляхъ и лѣсахъ лучшихъ зернушекъ. Тогда какъ Дамонъ будетъ меня цаловать, вы можете такъ же цаловаться на моихъ коленяхъ.... Они нейдутъ ко мнѣ... Они улетели.

Дамонъ.

Дамонъ.

Послушай, Филиса, мнѣ пришла одна мысль. Аминтъ не давно пѣлъ о прелести поцалуевъ: помнится вотъ такъ; объ нихъ ли это?

„ Прохладный напитокъ, говорилъ „ онъ, ни въ полы не таковъ прїя„ тенъ для утружденныхъ жнецовъ, „ какъ поцалуй для любящихся. Звукъ „ оный сопровождающїй тысячек„ ратно сладчае, нежели во время „ палящаго насъ полдневнаго жару, „ журчанїе источника текущаго въ „ тени густаго лѣсу.

Филиса.

Такъ, конечно! я прозакладую что это было о нашихъ поцалуяхъ. Слушай, мы пойдемъ, спросимъ у Хлои. Но прежде поправь на мнѣ вѣнокъ, ибо ты смялъ всѣ мои волосы.

ИДИЛЛІЯ X.

РОЗБИТАЯ КРУЖКА.

Одинъ Фаунъ съ козьями ногами отдыхалъ, растянувшись подъ дубомъ, и погруженный въ глубокомъ снѣ. Юныя пастухи усмотрѣли его. Привяжемъ его по крѣпче къ сему дереву, сказали они; пусть онъ споетъ намъ пѣсню для полученія своей свободы. Они привязаваютъ его къ дубовому пню и пробуждаютъ метаніемъ въ него жолудями. Гдѣ я? сказалъ Фаунъ, зевая и протягавая свои руки и свои козьи ноги. Гдѣ я! гдѣ моя свирель? гдѣ моя Кружка? ахъ, вотъ куски прекраснѣйшей изъ кружекъ вчерась здѣсь пьяной я упалъ и розбилъ ее.... Но кто меня привязалъ? онъ рѣкъ, и оглядаваясь въ округъ, слышитъ звукъ смѣху пастушковъ. Подите, отвяжите меня, ребятишки, кричитъ онъ имъ. Нѣтъ, мы не

не отвяжемъ тебя, отвѣчают ъ они, пока ты не споешь намъ пѣсню. Да что жь мнѣ вамъ спѣть, пастушки? говорилъ Фаунъ. Я хочу вамъ спѣть мою розбитую кружку; садитесь на травѣ въ округъ меня. Пастушки помѣщаются въ округъ его на муравѣ, и онъ начинаетъ тако:

Она розбилась! она розбилась, прекраснѣйшая изъ кружекъ! вотъ и куски въ округъ меня.

Сколь была она прекрасна, моя кружка! она была лучшее украшенїе моей Пещеры, когда богъ лѣсовъ проходилъ мимо, я крикавалъ ему: зайди испить и посмотрѣть прекраснѣйшую изъ кружекъ. У самаго Юпитера при празднествахъ самыхъ радостнѣйшихъ не бывало лучшей кружки.

Она розбилась! она розбилась, прекраснѣйшая изъ кружекъ! вотъ и куски въ округъ меня.

Когда друзья мои собирались ко мнѣ, мы саживались въ округъ сей кружки, мы пивали, и тотъ кто пилъ, воспѣ-

воспѣвалъ похожденїе вырѣзанное на той сторонѣ кружки къ которой прикасались его губы. Увы, друзья мои, мы не будемъ уже пить изъ сей прекрасной кружки, мы не будемъ воспѣвать похожденїе вырѣзаннаго на сторонѣ гдѣ касались наши губы!

Она разбилась! она розбилась, прекраснѣйшая изъ кружекъ! вотъ и куски въ округъ меня.

На сей кружкѣ вырѣзанъ былъ несчастный богъ Панъ, когда онъ объятый ужасомъ видѣлъ прекраснѣйшую изъ Нимфъ превращающуюся во объятїяхъ его въ кустъ темноцвѣтнаго тростнику. Онъ срѣзалъ изъ сихъ тростинъ дутки длины не равной, и соединивъ оныя воскомъ, составилъ свирельникъ, и тогда жь заигралъ на берегу жалобную пѣсню. Эхо услышала сїю новою музыку, и повторяла оную въ звонкихъ рощахъ и пригоркахъ.

Но она розбилась! она розбилась, прекраснѣйшая изъ кружекъ! вотъ и куски въ округъ меня.

По томъ виденъ былъ Юпитеръ во образѣ быка бѣлаго, переносящїй на спинѣ своей Нимфу Европу чрезъ волны. Его льстивой языкъ лобзалъ алебастровыя колена испугавшейся красавицы, которая между тѣмъ охватила и сплела обѣ руки около головы его; а въ то время резвые Зефиры играли кудрями треплющихся власовъ ея; и купидоны ѣдущїе на услужливыхъ Делфинахъ предшествовали пути его съ усмѣшкою.

Но она розбилась! она розбилась, прекраснѣйшая изъ кружекъ! вотъ и куски въ округъ меня.

Виденъ былъ такъ же вырезанный пригожїй Вакхъ сѣдящїй на постелѣ изъ виноградныхъ листовъ; Нимфа лежала сбочь: его оная протянула лѣвую свою руку на голову бога сего, а своею поднятою правою рукою, отнимала сосудъ вина, который призывали уста его улыбающїяся. Она взирала на него взоромъ страстнымъ, который казался при-

влекающимъ поцалуи. У ногъ Вакховыхъ играли тигры пестрые, кои съ ласковымъ видомъ ѣли виноградъ изъ рукъ нѣжный купидоновъ.

Но она розбилась! она розбилась, прекраснѣйшая изъ кружекъ! вотъ и куски въ округъ меня. Эхо повтори въ лѣсахъ, раскажи фаунамъ въ ихъ пещерахъ; она розбилась! вотъ и куски въ окугъ меня.

Тако воспѣлъ Фаунъ; тогда младые пастушки его отвязали, и со удивленіемъ разсматриваютъ куски кружки валяющїяся по муравѣ.

ИДИЛЛІЯ XI.

ДАФНИДЪ и ХЛОЯ.

Солнце клонилось уже къ западу, когда Хлоя съ своимъ возлюбленнымъ Дафнидомъ пришла на берегъ ручья уединеннаго текущаго съ журчанїемъ, мимо ракитоваго кустарника. Они вступаютъ въ кусты

державъ другъ друга за руку. Между тѣмъ Алексей сидѣлъ уже на бережку ручья того. Онъ былъ пригожъ и молодъ, но любовь ни когда еще не возбуждалась въ его сердцѣ. — Я поздравляю тебя, молодой человѣкъ безъ любви, сказалъ ему Дафнидъ; хорошо бы однако было если бъ наконецъ какая красавица учинила сердце твое чувствительнымъ, дабы ты приходилъ искать такъ же теней уединенныхъ: ибо любовники охотно ищутъ теней и уединенїя. Я пришелъ сюда съ моею Хлоею, мы шествуемъ воспѣть въ семъ спокойномъ лѣску блаженство любви нашей. Онъ рѣкъ и прижалъ пастушкину руку къ своему сердцу: хочешь ли ты насъ послушать, Алексей?

Алексей.

Нѣтъ, ни какая красавица не учинила еще сердца моего чувствительнымъ. Я пришелъ сюда удивляться сему блистанїю коимъ заходящее солнце

солнце позлащаетъ наши горы; но я охотно послушаю вашего пѣнія, ибо нѣтъ ни чего пріятнѣйшаго какъ слушать во окончаніи дня согласное пѣніе.

Дафнидъ.

Ступай, Хлоя, сядемъ на травкѣ близъ его; запоемъ: моя свирелъ подстанетъ къ твоему пѣнію; а ты Алексей, искусной игрокъ на свирелѣ, подставай ко мнѣ, когда я пѣть стану.

Хорошо, сказалъ Алексей: тогда садятся они на муравѣ по берегу источникаи, Дафнидъ начинаетъ тако:

Дафнидъ.

Долина мирная, и вы бугры зеленѣющіеся; нѣтъ, не находится пастуха меня счасливѣйшаго, ибо Хлоя меня любитъ. Моя Хлоя уподобляется первымъ лучамъ утреннимъ, когда солнце медленно выдвигается изъ за верховъ горныхъ. Въ сіе мгновеніе всякій цвѣтокъ обнов-

аяется

ляется, птички поютъ пришествїе дневнаго свѣтила; исполненныя резвости, они прыгаютъ туда и сюда по гибкимъ прутикамъ и принуждаютъ упадать росу, собравшуюся на листкахъ.

Хлоя.

Ластовица восхищается радостїю, когда пробудившися отъ сна, въ которомъ во время зимы находилась погруженная въ озерѣ, открываетъ она глаза на прелести весны. Она летаетъ надъ ракитникомъ, она носясь по долинамъ и косогорамъ воспѣваетъ чувствуемое ею утѣшенїе; Она кричитъ: О мои подруги! просыпайтесь, вотъ уже весна. Между тѣмъ я еще въ тысячу разъ восхищеннѣе, ибо Дафнидъ меня любитъ; Я закричу, о мои подруги! въ тысячу разъ сладостнѣе воззрѣнїя на рождающуюся весну, быть любимою отъ младаго добродѣтельнаго человѣка.

Дафнидъ.

Я люблю смотрѣть на протяжный наклонъ горы, на стада бродящїя между тенистыхъ кустарниковъ. Между тѣмъ, о моя Хлоя! больше для меня утѣшенїя видѣть плетеницу изъ новыхъ цвѣтковъ извивающуюся въ русыхъ власахъ твоихъ. Я люблю смотрѣть на блескъ Лазуря небесъ ясныхъ и чистыхъ; но блескъ твоихъ голубыхъ очей еще для меня прїятнѣе, когда призываютъ оныя меня съ видомъ усмѣхающимся. Такъ моя дорогая Хлоя, я люблю тебя больше нежели проворныя рыбы любятъ стихїю прозрачную, больше нежели Жаворонокъ любитъ прохладность утра.

Хлоя.

Недавно смотрѣлась я въ тихую воду. Я вздохнула: ахъ, сказала я, естьлибы я понравилась Дафниду, лучшему изъ пастуховъ? Въ сїе

 время

время былъ ты позади меня, а я тебя не видала; ты бросалъ цвѣтки сверху на мою голову, и видъ мой отъ нихъ упадающихъ въ воду исчезалъ въ кругахъ отъ того происходящихъ. Испугавшись я оглянулась, вздохнула, а ты прижалъ меня къ груди своей. Увы, вскричалъ ты, боги мои свидѣтели, что я люблю тебя. Ахъ, сказала я тогда, я люблю тебя больше нежели пчелки любятъ цвѣты, больше нежели цвѣты любятъ утреннею росу.

Дафнидъ.

О Хлоя! когда съ орошенными въ слезахъ очами, и сжимая меня въ своихъ объятіяхъ, ты мнѣ говоришь. Дафиидъ, я люблю тебя. Тогда я сквозь тень древесную возвожу взоры мои къ ясному небу, о боги! кричу я воздыхая, какъ могу я возблагодарить васъ за мое счастіе, за то что вы дали мнѣ Хлою? потомъ упадая въ недра твои; я плачу, а твои поцалуи осушаютъ мои слезы.

Хлоя

Хлоя.

И мои поцалуи осушають твои слезы; но тотъ же часъ слезы изобильнѣйшія текутъ изъ очей моихъ и смѣшиваются съ твоими. Я вздыхаю тогда; „ ахъ Дафнидъ! ты вздыхаешь такъже: „ ахъ Хлоя! и ехо вздыхаетъ послѣ насъ. Травы мягкія весеннія ободряютъ стада; прохладные тени ободряютъ во время палящаго полдневнаго жару: Но меня, Дафнидъ, ни что не ободряетъ столько когда услышу я изъ твоихъ прелестныхъ устъ, что ты меня любишь.

Тако воспѣли Дафнидъ и Хлоя. Счасливая чета! рѣкъ Алексей, и воздохнулъ. Счасливая чета! ахъ днесь я чувствую что любовь есть блаженство; ваши пѣсни, ваши взоры и ваши восторги меня научили.

ИДИЛЛІЯ XII.

ЛИКАСЪ.

или изобрѣтеніе Садовъ.

Зима бурливая содержитъ насъ затворенныхъ въ нашихъ покояхъ, и вихри неукротимые возметаютъ Хлобки упадающіе дождемъ серебреновиднымъ. Воображеніе приходитъ раскрыть предо мною сокровище образовъ, кои собираетъ оно во время цвѣту, или во время полящаго жару лѣтняго, или ‹с›озерцая богатую разновидность осѣни. Въ числѣ оныхъ я изберу прекраснѣйшіе, я распоряжу ихъ, украшу для тебя лужокъ мой, возлюбленная Дафна. Таковымъ образомъ говоря, пастухъ сплеталъ Гирландъ для своей пастушки, и выбиралъ цвѣтки самые прекраснѣйшіе. О! если бы я возмогъ угодить тебѣ! когда муза моя воспоетъ, какъ

въ младенчествѣ мiра, пастухъ изобрѣлъ искуство сады заводить.

— Вотъ здѣсь мѣсто, говорилъ пригожiй пастухъ Ликасъ, подъ сими ветвями вчерась при захожденiй солнца, прекрасная Хлоя дала мнѣ первый поцалуй; ты была здѣсь, ты воздыхала, когда моя трепещущая рука оплеталась въ округъ тебя; когда мои смятенныя слова, мое бiющееся сердце и мои слезящiя очи открывали тебѣ о любви моей. О Хлоя! тогда то было что овечка вырвалась изъ дрожащей руки твоей, тогда то упала ты къ моей трепещущей груди. Ликасъ, сказала ты голосомъ прерывающимся, о Ликасъ, я люблю тебя! лѣса миролюбныя, источники уединенные, будьте свидѣтелями; тысяче кратно слышали вы жалобы любви моей, и вы, цвѣтки, вы омочены слезами моими какъ росою.

О Хлоя! какая радость меня восхитила! да, любовь есть блаженство неизобразимое! да будетъ мѣсто сïе на всегда посвящено любви!

ви! я насажу розъ въокругъ сего дерево. Вдоль по его стеблю возвысится извиваясь гибкая скамонія украшенная своими цвѣтами бѣлыми съ пурпуровыми пестринами. Я соберу здѣсь всю весну. Я насажу красивыхъ Піоновъ близъ лилей. Я отниму у луговъ и пригорковъ ихъ травы снабженныя цвѣтами, фіоли и гвоздички, синія колокольчики и темноватую скабіозу. Я соберу всѣ; я расположу ихъ кустарникомъ изъ коего будетъ происходитъ сладчайшее благовоніе; по томъ проведу ближній источникъ около сего лѣску цвѣтошнаго, который учинится маленькимъ островомъ, и я окружу его заборомъ терновымъ для воспрепятствованія козамъ и овцамъ вредитъ оному. Прилетайте тогда! прилетайте, жалующіяся горлицы, вы дышущіе любовію, ступайте воздыхать на вершинахъ ветвей: ступайте маленькіе птички! гоняйтесь за вашими замками по кусточкамъ розовъ, воспѣвайте ваше блаженство

на

на зыбкихъ веточкахъ; и вы бабочки испещренныя несчетными красками, присоединитесь къ кустамъ цвѣтовъ и сцепляйтесь на лилïяхъ колеблющихся отъ вашихъ восторговъ.

Тогда пастухъ мимоходящïй, воскликнетъ, когда Зефиры донесутъ къ обонянïю его сладкое благовонïе: какому божеству посвящено сïе мѣсто? Венѣрѣ ли оное надлежитъ? или сама Дïанна избрала его для успокоенïя себя сномъ послѣ трудовъ звѣроловныхъ?

ИДИЛЛIЯ XIII.

Палемонъ.

Сколь прïятно сïяетъ Аврора сквозь сïи орѣшины и сïи дикïе розы распростирающïяся предъ окномъ моимъ! сколь ластовица весело воспѣваетъ на концѣ переклада поддерживающаго кровлю избы моей! проворный жаворонокъ такъ же воспѣ-

ваетъ на высотѣ въ воздухѣ. Вся природа возбуждается: роса одушевляетъ растенія, оныя кажутся помолодѣвшими; мнѣ самому кажется что я помолодѣлъ. Жезлъ мой, поддерживающій мою старость, гряди известь меня за вороты двора моего. Я сяду противъ восходящаго солнца, и пробѣгу взорами по зеленѣющимъ окрестностямъ.

Сколь прекрасно все меня окружающее! все что я ни слышу есть гласъ *блаженства и признательности*. Птички на воздухѣ, пастухи въ поляхъ воспѣваютъ радости ихъ оживляющую; стада на зеленѣющихся пригоркахъ и въ долинахъ пресѣкаемыхъ потокомъ, выражаютъ утѣху своимъ мычаніемъ. Сколько времени, о боги, сколько времени буду я еще свидѣтелемъ вашей благости? я видѣлъ уже девяносто разъ перемѣну годовыхъ временъ, и когда мысли мои возвращаются вспять для созерцанія отъ сего мгновенія до часа въ который я родился, я

зрю

зрю пространную, но сладостную дальновидность, которыя первая мета теряется въ очахъ моихъ и кажется погружающеюся въ волнахъ воздуха яснаго и чистаго. Ахъ сколь тогда трогается мое сердце! Это восторгъ коего изъяснить не можетъ языкъ мой; я проливаю слезы радости, ахъ боги! не слабое ли сѣ дѣйствіе благодарности къ вашимъ благодѣяніямъ? ахъ теките слезы мои, теките внизъ по моимъ Ланитамъ! когда я возрю на прошедшее, мнѣ кажется что вся жизнь моя была только протяженная весна, а всѣ мрачныя часы, случившіяся въ ея теченіи, были только проходные тучи ободряющія поля и оживляющія растенія. Никогда злыя заразы не истребляли стада наши; никогда ни какое приключеніе не погубляло древесъ нашихъ; ни когда злочастіе не мѣшкало надъ сею хижиною.

Съ Каковымъ восхищеніемъ взираю я на прошедшія случаи, когда чада

мои усмѣхались играя въ моихъ объятіяхъ, или когда рука моя водила ихъ на зыблющихся ноженкахъ! взирая на возрастъ сихъ нѣжныхъ отраслей, я простираю взоры мои на прошедшее, я проливаю радостныя слезы; я желаю, говаривалъ я, предохранить ихъ отъ всякихъ несчастій; я попекусь объ ихъ вѣрованіи, боги благословятъ мои старанія, они возростутъ, принесутъ плоды, учинятся древесами, и сладостная прохладность ихъ тени подкрѣпитъ мою слабую старость. Говоря такъ, я прижималъ ихъ къ груди моей. По томъ какъ они возросли подъ благословеніемъ боговъ, моя посѣдевшая старость нашла подъ ихъ тенью счасливую покрышу. Таковымъ же образомъ видѣлъ я возростаніе сихъ яблоней, сихъ грушь, и сихъ высокихъ орѣховъ, кои насадилъ я въ моей молодости въ округъ моей хижины. Они далеко простираютъ свои древнія ветви, и покрываютъ пріятною сенью мое маленькое жилище.

Жесто-

Жесточайшую изъ всѣхъ моихъ горестей, приключила ты, о моя дорогая Мирта! была сїе тогда какъ ты наклоненная къ моей трепещущей груди, скончалось въ моихъ объятїяхъ. Двенатцати-кратно уже весна украшала гробъ твой цвѣтами. Но день, счасливый день приближается, въ который кости мои будутъ распростерты близъ твоихъ. Настающая ночь можетъ быть приведетъ сїе мгновенїе ока.

Я со удовольствїемъ зрю мою сѣдую бороду растилающуюся бѣловатыми волнами по моей груди и свидѣтельствующую о постоянной милости ко мнѣ боговъ. Прїятные Зефиры летающїе въ округъ меня, не пренебрегайте играть въ волокнахъ серебреновидныхъ, кои борода моя сплела подъ моимъ подбородкомъ, оныя стоютъ желтоватыхъ кудрей молодаго человѣка, и русыхъ завитковъ треплющихся на шѣѣ младой дѣвицы во время цвѣта ея красоты.

Да будетъ день сей для моей ста:

рости днемъ обновленія! я соберу окрестъ себя всѣхъ дѣтей моихъ, до самаго послѣдняго моего внучка, который начинаетъ нѣмуя говорить. Я принесу богамъ жертву: Олтарь будетъ постановленъ здѣсь предъ дверми моей хижины, я окружу лысую главу мою вѣнкомъ, моя ослабшая рука воспріиметъ Лиру, и всѣ мы вмѣстѣ воспоемъ похвальную пѣснь въ округъ Олтаря. По томъ усыплю я мой столъ цвѣтами, и по среди радостнаго нашего бѣсѣдованія мы вкусимъ жертвеннаго. — Изрѣкши сіе, Палемонъ воздвизается тресяся и опираясь на жезлъ свой, онъ созываетъ дѣтей своихъ, и торжествуетъ съ ними весело празднество въ честь боговъ.

Вечеръ приходитъ, и Палемонъ исполненный священнаго предчувствованія вѣщаетъ къ нимъ: о мои чада! изыдемъ, изыдемъ посмотрѣть гробъ Миртинъ; возліяемъ на оный вино и медъ, и кончимъ празднество Гимномъ. Они исходятъ и

шеству-

шествуютъ ко гробу. Обоймите меня, мои чада, рѣкъ старикъ въ священномъ восторгѣ. Тогда, по среди ихъ объятiй, онъ превращается въ кипарисъ, коего тѣнь поднесь покрываетъ гробъ Миртинъ.

Миролюбивая Луна свидѣтельница сего приключенiя, остановляется въ своемъ теченiи. Всякъ отдыхающiй подъ тѣнiю сего дерева, чувствуетъ сердце свое исполняющееся священнаго восхищенiя, и кроткiя слезы текутъ изъ очей его.

ИДИЛЛIЯ XIV.

Миртилъ и Тирсисъ.

Миртилъ удалился во время прохладной ночи на Холмъ, который изъ далека виденъ былъ на равнинѣ. Нѣсколько сухихъ вѣтвей составили для него ясный огонь, близъ коего уединенный пастухъ, растянувшись на муравѣ, пробѣгалъ бродящими своими

ими взорами небо усѣянное звѣздами и поля освящаемыя Луною. Вдругъ обезпокоенный легкимъ шорохомъ въ темнотѣ, онъ оглядывается назадъ; Тирсисъ былъ то. Добро пожаловать, рѣкъ ему Миртилъ, садись къ огню: по какому случаю приходишь ты сюда, когда уже всѣ спятъ въ деревнѣ?

Тирсисъ.

А! Миртилъ, добрый вечеръ. Если бы я надѣялся найтить тебя здѣсь, я не столькобъ остерегался слѣдовать на свѣтъ отъ сего огня, который горитъ съ таковою ясностїю по среди темноты разлившейся по долинѣ. Послушай, Миртилъ, теперь когда тусклое сїянїе Луны и ночное уединенїе призываютъ насъ къ внятному пѣнїю, послушай что я предложу тебѣ. Я дамъ тебѣ прекрасную глиненную Лампаду, искусно выработанную отцемъ моимъ. Это змѣя съ крылами и ногами; она раскрываетъ широкїй зевъ, въ которомъ горитъ

вкладываемая свѣтильна. Чудовище сїе завиваетъ свой хвостъ къ верху, для составленїя свободной рукоятки. Я подарю тебѣ оную, если ты мнѣ пропоешь похожденїе Дафниса и Хлои.

Миртилъ.

Я охотно спою тебѣ похожденїе Дафниса и Хлои, по тому что ночь приглашаетъ насъ къ внятному пѣнїю. Вотъ сухїя ветви, смотри что бъ огонь не сгасъ во время моего пѣнїя.

Повторяйся по горамъ мой жалобный гласъ ? пронесися вдаль мое плачевное пѣнїе, по лѣсамъ и берегамъ.

Луна спокойно освѣщала горизонтъ. Хлоя уединенная на берегу, съ нетерпѣнїемъ ожидала лодки въ которой Дафнисъ имѣлъ перевести ее чрезъ рѣку. Что такъ долго мѣшкаетъ, мой любовникъ! говорила она, и соловей умолкъ для выслушанїя восклицанїи ея страсти. Что онъ долго мѣшкаетъ! Но ... послушаемъ

лушаемъ .... Кажется слышу я шумъ какъ бы волны разсѣкались объ лодку. Ты плывешь! да.... Нѣтъ это не онъ. Воды шумящїе, еще ли вы меня обманете? не шутите надъ нѣжною нетерпѣливостїю страстной пастушки. Гдѣ ты теперь, дражайшїй любовникъ? не ужь ли любовь не ссудила крыльями твои ноги? переходишь ли ты теперь лѣсъ достигая берегу? ахъ! да не встрѣтятъ твои спѣшащїя ноги ни какого тернїя! что бъ ни какая змѣя не уязвила твою пяту! цѣломудренная богиня, коея стрѣлы никогда не пропускаютъ достигнуть своей мѣты; Луна, или Дїяна, разлей на его путь твою кроткую ясность; о когда онъ выдетъ изъ лодки! съ какою горячностїю сожму я его въ моихъ объятїяхъ! но на сей разъ, конечно о воды, конечно въ сей разъ вы меня не обманете! шумите тихо въ округъ его лодки, несите его попечительно на хребтѣ вашемъ. А вы Нимфы, если

если вы когда нибудь любливали, если вы только вѣдаете каково дожидатся любезнаго... Ахъ я вижу!... Дражайшій Дафнисъ... Ты не отвѣчаешъ мнѣ! боги! — по словѣ семъ Хлоя упадаетъ безъ чувствъ на берегу.

Повторяйся по горамъ мой гласъ плачевный; пронесися вдаль мое жалобное пѣніе по лѣсамъ и берегамъ.

Лодку опрокинутую несло волнами. Луна освѣщала сіе плачевное приключеніе. Хлоя въ обморокѣ лежитъ простертая на берегу, ужасная тишина господствуетъ округъ ея. Она очуняется на конецъ; пробужденіе страшное! Луна скрывается по зади облаковъ. Хлоя сидитъ на берегу рѣки, дрожащая и безмолвная; вздохи и рыданія воздымаются грудь ея, она испускаетъ пронзительный крикъ, Эхо разноситъ по всѣмъ мѣстамъ ея скорбящій гласъ. Болезненное стенаніе отзывается въ лѣсахъ и между кустарниковъ. Она простираетъ руки, біетъ себя въ грудь, она исторгаетъ волосы. Ахъ Дафнисъ, Дафнисъ!

нисЪ! волны вѣроломныя, Нимфы лютыя! ахЪ я несчастная! вопіетЪ она; чего я робѣю! я еще мѣдлю искать смерти вЪ волнахЪ похитившихЪ услажденіе моей жизни! и вЪ то мгновеніе ока она повергается сЪ берегу вЪ рѣку.

Повторяйся по горамЪ мой гласЪ плачевный; пронесися вдаль мое жалобное пѣніе, по лѣсамЪ и берегамЪ.

Но Нимфы повелѣли волнамЪ нести ее тщательно на хребтѣ своемЪ. Нимфы лютыя! вопіетЪ она, ахЪ, не мѣшайте мнѣ умерѣть! волны, спѣшите меня поглотить! но волны ее не поглотили; они принесли ее тихо до краю маленькаго острова. ДафнисЪ изшелЪ на сей островокЪ, послѣ опрокинутыя лодки. СЪ какою нѣжностію! сЪ какимЪ восторгомЪ она бросилась во объятія своего любовника! тщетно изображалЪ бы я моимЪ пѣніемЪ то что она тогда чувствовала. Такова, и еще меньше бываетЪ радость соловья, когда онЪ улѣтитЪ изЪ своей тюрмы; подруга

его

его провождала цѣлыя ночи печально пѣная на вершинѣ древесъ: но между тѣмъ онъ прилѣтаетъ къ своей самкѣ еще трепещущей. Они воздыхаютъ, они цалуются, они оплетаются своими крылушками; они выражаютъ свое восхищенїе веселымъ пѣнїемъ и нарушаютъ тишину ночную.

Престань повторятся по горамъ мой гласъ плачевный; раздавайся радость въ лѣсахъ и по берегамъ. — А ты Тирсисъ, дай мнѣ лампаду, ибо я спѣлъ тебѣ похожденїе Дафниса и Хлои.

ИДИЛЛІЯ XV.

Хлоя.

Нимфы благосклонныя, обитающїя въ сей пещерѣ мирной! вы коихъ руками насаждены сїи густые кустарники, для доставленїя вамъ прохладной тени: вы изливающїя изъ вашихъ урнъ воды сего чистаго Источ-

Источника, если вы не заняты плясанїемъ въ частыхъ лѣсахъ съ лѣсными богами! когда вы въ сїе мгновенїе опочиваете либо на ближнихъ холмахъ или на вашихъ урнахъ, да не возмутитъ мой вопль смущенный вашего покоя. Но естли вы бодрствуете, о Нимфы благосклонныя, приклоните ухо къ моимъ жалобамъ. Я люблю . . . Увы . . . Я люблю Ликаса съ бѣложелтоватыми волосами! не видавали ль вы иногда сего юнаго пастуха, когда онъ пригонялъ въ сїе мѣсто своихъ коровъ пѣгихъ и своихъ тѣлятъ прыгающихъ, и который шествуя за ними, призываетъ эхо сладкимъ гласомъ своей свирели? Не слыхавали ль вы его голосу, когда онъ воспѣваетъ или прелести весны, или радость сопровождающую жатву, или разноличныя краски осѣни, или о скотоводствѣ? Увы! я люблю прекраснѣйшаго изъ пастуховъ, и прекраснѣйшїй изъ пастуховъ не вѣдаетъ что я люблю его. О какъ ты долго тянулась пе-

чальная и суровая зима, изгнавшая насъ съ паствы! о какой длинной промежекъ протекъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла Ликаса въ послѣднїй разъ осенью! увы! онъ спалъ тогда въ рощицѣ. Сколь былъ онъ прекрасенъ! какъ Зефиры играли кудрями волосовъ его! Ясность солнечная разсыпала надъ нимъ плавающую тѣнь отъ листьевъ. Ахъ! я зрю еще ево, я зру тѣнь отъ листовъ летающую туда и сюда на его прелестномъ лицѣ; я зрю какъ онъ усмѣхался въ прїятномъ сновидѣнїй. Я старалась нарвать цвѣтовъ, тихонько переплела плетенкою прекрасные его волосы, а другою его свирель; потомъ поспѣшно удалилась. Я подожду, говорила я, мгновенїя въ которое онъ проснется. Какъ онъ усмѣхнются! какъ онъ изумится увидѣвъ голову свою и свою свирель обернутыя вѣнками! я дождусь какъ онъ проснется, не худо что бъ увидѣлъ онъ что я тутъ стою; а ежели онъ меня не увидитъ?.... О!

я

я начну громко смѣяться. Такъ я говорила и остановилась въ ближней рощицѣ, когда подруги мои меня кликнули. О какъ было мнѣ досадно! надлежало итить и я не могла быть свидѣтельницею его усмѣшки, и его радости, когда увидѣлъ онъ свои волосы и свою свирѣль окруженныя цвѣтами. Но теперь какое утѣшенiе! вотъ весна возвратилась; я увижу Ликаса въ близости. О Нимфы! я хочу развѣшать здѣсь гирланды на ветвяхъ кустарниковъ *осеняющихъ* вашу пещеру, въ нихъ будутъ первые весеннiе цвѣточки, скорорастущiя фiялки, ландышь, желтые баранчики, Маргаритки красноватые и первые цвѣты древесъ, благопрiятствуйте любви моей: и естьли Ликасъ придетъ спать на берегъ сего источника, скажите ему въ сновидѣнiи, что Хлоя украшала голову и свирель его цвѣтками: скажите ему что это Хлоя ево любитъ. — Тако говорила Хлоя и въ тоже время развѣшала она по кустамъ еще без-

листь-

листнымъ гирланду изъ первыхъ цвѣтовъ. Тогда изъ Пещеры исходитъ пріятный звукъ, подобный лепетанію эха, когда оное переговариваетъ звоны удаленной свирели.

ИДИЛЛІЯ XVI.

МЕНАЛКЪ

и Звѣроловецъ Есхинъ.

Юный Пастухъ Меналкъ гналъ стадо свое чрезъ горы: занятый заботою отъискать въ дикомъ лѣсу одну изъ овецъ своихъ, онъ находитъ въ семъ лѣсу человѣка котораго усталость отъ трудовъ принудила лечь подъ кустомъ. Ахъ юный пастухъ! вскричалъ сей человѣкъ, я вчерась зашелъ въ сіи дикія горы для ловли сернъ и вепрей; я заблуждаюсь, и до сего часа не могу сыскать никакого жилища, ни источника для утоленія моей жажды, ниже какой либо пищи ко укрощенію

моего голода. Тотъ часъ юный Меналкъ достаетъ изъ своего кармана хлѣбъ и свѣжїй сыръ который вручаетъ ему: потомъ приемлетъ висящую у себя съ боку фляжку: прохладись, говоритъ онъ ему, а если хочешь свѣжаго молока; ступай за мною, что бъ я проводилъ тебя чрезъ горы. Человѣкъ укрѣпился пищею, и пастухъ ведетъ его чрезъ горы.

Тогда звѣроловецъ Есхинъ вѣщалъ ему: пригожїй пастухъ, ты спасъ жизнь мою! чѣмъ могу я заплатить тебѣ? пойдемъ со мною въ городъ; тамъ живутъ не подъ кровлями шалашей. Палаты марморныя окруженныя столбами великолѣпными возвышаются до облакъ, ты будешь обитать со мною; ты будешь пить изъ златыхъ сосудовъ, а вкушать отборныя яствы изъ блюдъ серебряныхъ.

Меналкъ отвѣтствуетъ: что дѣлать мнѣ въ городѣ? я безопасенъ въ моей маленькой хижинѣ, оная защищаетъ

щаетъ меня отъ дождя и бурливыхъ вѣтровъ. Есть ли оная не окружена столбами, такъ обсажена плодоносными древесами и зеленымъ виноградникомъ. Я хожу черпать воду чистую изъ ближняго родника глиняною кружкою; у меня есть такъ же вино сладкое, я ѣмъ то что приносятъ мнѣ мои деревья и стада мои, а ежели нѣтъ у меня сосудовъ злапыхъ или серебреныхъ, такъ я украшаю столъ мой благовонными цвѣтами.

Есхинъ.

Пойдемъ со мною, пастушокъ; и въ городѣ у насъ довольно древесъ и цвѣтовъ. Искуство насаждаетъ одни дорогими правильными, а другїе собираетъ въ цвѣтники виду равнообразныя. Есть вмѣсто родниковъ водометы, которыхъ вода извергается Марморными человѣками и Нимфами въ водоемы великолѣпныя.

Меналкъ.

Наши тенистые лѣса въ простой природѣ своей пригожѣе вашихъ закоулковъ;

улковъ; Луга наши украшенные тысячами цвѣтковъ посѣявшимися случайно, гораздо пріятнѣе. Я такъ же насадилъ цвѣтовъ въ округъ моего Шалашишка, есть маріоланы, лиліи и розы. О какъ источники наши прекрасны! когда они исходятъ кипящіе изъ недръ горъ каменныхъ, или когда упадаютъ съ высоты утесовъ чрезъ кустарникъ, дабы извиваться потомъ въ лугахъ цвѣтущихъ. Нѣтъ, я не пойду въ городъ.

Есхинъ.

Тамъ увидишь ты младыхъ дѣвицъ одѣтыхъ въ шелковомъ, и коихъ цвѣтъ лица не загорѣлъ отъ солнечнаго зною; оныя бѣлы какъ молоко, украшены золотомъ и жемчугомъ дорогоцѣннымъ. Тамъ искусные музыканты очаруютъ слухъ твой согласными концертами.

Меналкъ.

Моя смуглая пастушка такъ же прекрасная. Я хотѣлъ бы что бъ ты

увидѣлъ

увидѣлъ ее, когда она уберется свѣжими, розами или плетенками изъ разныхъ цвѣтовъ. О какъ мы утѣшаемся, когда сидимъ подъ тенью древесъ на бережку журчащаго потока! она тогда воспѣваетъ; ахъ какъ она поетъ прїятно! я подстаю къ голосу ея съ моею свирелью; наши пѣсни разносятся вдаль, и эхо повторяетъ оныя за нами. А иногда мы сидѣвъ приклоняемъ уши къ сладкому голосу птичекъ, кои поютъ на вершинахъ древесъ, или на ветвяхъ кустовъ. Ваши музыканты лучше ли поютъ соловья, или малиновки? нѣтъ, нѣтъ, я не пойду съ тобою въ городъ.

Есхинъ.

Что жъ мнѣ тебѣ дать, пастухъ? возми сїю горсть золота и сїе украшенїе тогожъ метала.

Меналкъ.

Какая мнѣ нужда въ золотѣ? у меня всего довольно: золотомъ куплю ли я

плодоносїе древамъ моимъ, или цвѣты лугамъ, или молоко стадамъ моимъ?

Есхинъ.

Что жь мнѣ подарить тебѣ, пастухъ счасливый? какое окажу я признанїе за твое благодѣянїе?

Меналкъ.

Дай мнѣ сїю флягу, которая виситъ у тебя черезъ плѣчо: мнѣ кажется что я вижу на ней вырѣзаннаго младаго Вакха съ купидонами кои обираютъ виноградъ въ корзины. Тогда ловецъ съ добродушною усмѣшкою отдалъ ему флягу, и юный пастухъ прыгнулъ съ радости какъ резвящїйся агнецъ.

ИДИЛЛIЯ XVII.

Филисъ и Хлоя.

Филисъ.

Хлоя, я вижу что ты всегда носишъ сїю кошницу на рукѣ твоей!

Хлоя.

Хлоя.

Такъ, Филисъ, такъ я всегда ношу на рукѣ моей сїю кошницу: я не отдамъ оную за всѣ стада; нѣтъ я не отдамъ.

(*говоря сїе, она прижала ее съ усмѣшкою къ боку своему.*)

Филисъ.

Почемужъ, Хлоя, почему ставишъ ты такую высокую цѣну сей кошницѣ! отгадать ли? . . . О какъ ты закраснѣлась! отгадатьли!

Хлоя.

Какъ? . . . Закраснѣлась?

Филисъ.

Такъ точно: равно какъ бы лучи заходящаго солнца освѣтили лице твое.

Хлоя.

Хорошо, Филиса, я скажу тебѣ правду. Младой Аминтъ, прекраснѣйшїй изъ пастуховъ, подарилъ мнѣ оную; а я ево сама подарила. Смотри, какъ

искусно, съ какою прiятностiю сiи листки зеленые и сiи цвѣты красные выплетены по бѣлому полю! по тому мнѣ кошница сiя такъ дорога: куда бы я ни пошла, всегда оная на рукѣ у меня. Цвѣтки мнѣ кажутся прекраснѣе, они испускаютъ запахъ душистѣе, когда лежатъ въ сей корзинкѣ: Овощи въ устахъ моихъ кажутся мнѣ гораздо вкуснѣе, когда я беру оныя изъ моей корзинки. Филиса ..... Но что.... Высказать ли всѣ? я уже.... Я уже не однажди поцаловала мою корзинку . . . Конечно Аминтъ любезнѣйшiй и прекраснѣйшiй изъ пастуховъ.

Филисъ.

Я видѣла какъ онъ работалъ ею. Еслибъ ты слышала какiя слова приговаривалъ онъ къ сей корзинѣ!... Но Алексей мой пастухъ не меньше прекрасенъ : я хотѣла бы чтобъ ты услышала его пѣнiе. Я хочу протвердить тебѣ то что выучила я вчерась у него.

Хлоя.

Хлоя.

Но, Филиса, что говорилъ Аминтъ къ корзинѣ?

Филисъ.

Тотъ часъ: Но надобно мнѣ сперва пропѣть.

Хлоя.

Охъ! ... Долга ли эта пѣсня!

Филисъ.

Послушай, вотъ она:
„ Я бываю веселъ когда лучи на за-
„ катѣ освѣчаютъ лице мое на скатѣ
„ сей горы. Я бываю еще веселѣе ко-
„ гда вижу тебѣ усмѣхающуюся.
„ Жнецъ, когда приноситъ послѣ-
„ днїй снопъ въ свое наполненное
„ уже гумно, не подходитъ къ де-
„ ревнѣ съ таковою радостїю, како-
„ вую чувствую я тогда, какъ полу-
„ чивъ поцалуй отъ тебя возвра-
„ щаюся въ шалашъ мой. Такъ то
„ пѣлъ Алексей.

Хлоя.

Вотъ прекрасная пѣсня! но Филиса, что же говорилъ Аминтъ къ корзинѣ?

Филисъ.

Я еще и теперь смѣюсь. Онъ сидѣлъ тогда въ ивовомъ кустарникѣ на берегу пруда, и между тѣмъ какъ пальцы его искусно выправляли и распоряжали прутики зеленые съ красноватыми и бѣлыми; въ то время .....

Хлоя.

Ну!... да за чѣмъ ты перерываешь слова свои?

Въ то время — *продолжала Филиса безпрестанно смѣяся*, — онъ говорилъ и сказывалъ корзинкѣ: я отдамъ тебя Хлоѣ, прекрасной Хлоѣ, которыя усмѣшка такова прелѣстна. Гнавши вчерась предомною свое стадо; добрый день, Аминтъ, сказала она, и улыбнулась съ видомъ такимъ прїятнымъ! такимъ прїятнымъ что во мнѣ сердца затрепетало. А вы разноцвѣтные прутики, сгибайтесь безъ супротивленїя и не ломайтесь когда стану я васъ переплетать; ибо вы будите помѣщены у боку

прекрас-

прекраснѣйшей изъ пастушекъ, у Хлои. Да, если Хлоя употребитъ на что нибудь сїю кошницу. О если она употребитъ ее! если она часто будетъ носить оную у боку своего! .. Такъ онъ говорилъ, и окончавъ работу кошницы вдругъ всталъ и прыгнулъ съ радости что такъ удачно оную здѣлалъ.

Хлоя.

Ахъ! я бѣгу: это онъ вдали сего косогора гонитъ свое стадо. Я пройду близъ его, я скажу ему: смотри, Аминтъ, смотри, корзинка твоя на рукѣ у меня.

ИДИЛЛІЯ XVIII.

Титиръ и Менालкъ.

Старикъ Меналкъ лежавшїй на пригоркѣ получалъ впечатленїе благотворныхъ лучей солнечныхъ, погруженный въ прїятное размышленїе, пробѣгаетъ онъ взорами окрестности, украшенныя осенью; между тѣмъ

Типиръ юнѣйшій изъ сыновъ его; сидѣлъ давно уже сбочь его, а онъ того не примѣтилъ. Въ сладостномъ восхищеніи своемъ, старикъ воздыхаетъ, а сынъ его продолжаетъ взирать на него съ кроткою радостію. О отче мой, рекъ онъ на конецъ къ нему съ нѣжностію, сколь сладостенъ долженъ быть восторгъ твой! и давно уже примѣчаю взоры твои носящіеся въ дали по окрестностямъ украшеннымъ Осѣнью, и слышу твои вздохи. О отче мой; я хочу просить у тебя, обѣщай исполнить мое прошеніе.

Меналкъ.

Сказывай мнѣ прозбу свою, дорогой мой сынъ, и сядь ко мнѣ поближе, чтобъ я могъ поцаловать чело твое; и Типиръ подвинулся къ боку его, и старикъ поцаловалъ нѣжно чело своего сына. Отче мой, продолжаетъ юноша; старшій братъ мнѣ разсказывалъ, (ибо часто когда мы сидимъ въ тѣняхъ близъ стадъ нашихъ, мы разговариваемъ о тебѣ, и тогда слезы,

слезы радостныя текутъ изъ очей нашихъ). Мой старшiй братъ мнѣ сказывалъ, что нѣкогда во всемъ округѣ называли тебя общимъ голосомъ перьвѣйшимъ пѣвцомъ, и что ты много выигралъ козъ на спорномъ пѣнiи. О если нынѣ позорище полъ, украшенныхъ осенью, наполняетъ тебя восторгомъ такимъ, не можешьли ты мнѣ спѣть пѣсенку! окажи мнѣ сiю милость, о отче мой, окажи.

Меналкъ отвѣтствуетъ съ сладкою усмѣшкою: изрядно, я потѣшу тебя, и если музы помогавшiя мнѣ часто выигрывать заклады, по днесь еще меня любятъ, я спою тебѣ пѣсню.

Тогда взоры его еще разъ пробѣгаютъ по полямъ и онъ начинаетъ,

„ Помогите мнѣ еще возвысится, о „ музы, приклоните еще слухъ вашъ „ къ моему прерывающемуся гласу. „ Въ веснѣ дней моихъ, на берегу „ журчащихъ источниковъ, и въ те„ няхъ лѣсовъ молчаливыхъ, вы не „ бывали ко мнѣ не внемлющими: въ

„ моей же посѣдѣвшей старости по-
„ благопрїятствуйте еще успѣхамъ
„ моего пѣнїя.

„ Поля гдѣ царствуетъ осень, ка-
„ кое сладостное восхищенїе изли-
„ ваете вы въ мою душу! какимъ бле-
„ скомъ украшается лѣто умираю-
„ щее! Тростникъ и Ракитникъ сос-
„ тавляютъ жолтоватую опушку въ
„ округъ прудовъ, верхи младыхъ
„ яблоней и грушъ лежатъ развеян-
„ ны по пестрѣющимся пригоркамъ
„ и лугамъ, коихъ зелень пресѣкается
„ красноватою пламенностїю вишне-
„ выхъ деревъ. Осенью рощицы пре-
„ дставляютъ такїя же разновид-
„ ныя краски, каковыя видимы вес-
„ ною на лугахъ, когда оныя покры-
„ ваются цвѣтами. Тень красно-
„ ватая простирается съ высоты
„ холма въ долину, прерываемая то-
„ лько елями и соснами по всегда
„ зелеными. Уже листы опадшїе на
„ землю шумятъ подъ ногами путе-
„ шественника. Стада бродятъ бо-
„ дро по муравѣ лишенной цвѣтовъ.

„ Одинъ только красноватый репейникъ показывается еще, и возвѣщаетъ холодъ. Вы шествуете ко отдыхновенію во время зимы, древеса благодѣтельныя подающія намъ услужливо свои плоды зрелые, и предлагающія свою тень прохладную пастухамъ и стадамъ. Ахъ! да ни кто изъ насъ не отъидетъ на покой во гробъ, не принесши такъ же плодовъ сладкихъ и не изліявши надъ несчастными тени покровительства. О сынъ мой, благословеніе опочиваетъ надъ жилищемъ праведнаго, и въ округъ его житницъ. О чадо мое! правые сердцемъ и возлагающіе упованіе на боговъ, не могутъ опасаться шествія по болоту обманчивому, когда праведный приноситъ жертву, дымъ отъ нея восходитъ на Олимпъ, боги внемлютъ съ благосклонностію его человѣколюбивыя дѣйствія и его желанія. Никогда сова своимъ крикомъ, никогда полуночникъ своимъ печальнымъ пе-

репор-

„ репорхиванїемъ не предсказава-
„ ютъ ему злыхъ случаевъ. Онъ оби-
„ таетъ въ безопасности, онъ при-
„ ходитъ отдыхать подъ свою ми-
„ ролюбивую кровлю, его благосклон-
„ ные Пенаты *) слышатъ разговоры
„ его добродѣтельные и оныя благо-
„ словляютъ. Правда то, что дни
„ мрачные показываются иногда во
„ время весны, облаки бурныя возму-
„ щаютъ иногда лѣто самое чис-
„ тое: но, о сынъ мой, не ропщи,
„ если въ сей горсточкѣ дней твоихъ,
„ Юпитеръ примѣшаетъ нѣсколько
„ часовъ темныхъ. Сохрани, мое дра-
„ жайшее чадо, наставленїя мои въ
„ твоей памяти, когда я предварю
„ тебя низшествїемъ во гробъ. Вѣ-
„ тры буйные, пощадите, я умоляю
„ васъ, пощадите украшенїе осѣни,
„ что бъ дыханїе легкое играючи,
„ тихо лишало древеса ихъ листовъ
„ умирающихъ, дабы пестрота на-
„ шихъ полъ могла еще нѣсколько
„ разъ очаровать мои взоры. Можетъ
„ быть когда ты возвратишься вновь,

*) Домашнїе боги.

„ о прекрасная осень, можетъ быть
„ я тебя уже не увижу. Какое дерево
„ тогда покроетъ своими умираю-
„ щими листами землю, въ которой
„ я буду спать сномъ вѣчнымъ?

Тако воспѣлъ старикъ, и Титиръ во слезахъ прижалъ руку отца своего къ щекѣ своей.

ИДИЛЛІЯ XIX.

Изобретеніе Лиры и пѣнія.

Во дни младенчества міра, когда человѣки еще не развратились, когда первыя прозябенія наукъ рождались отъ естества и нужды были малочисленны по невинности, обитала дѣвица: ни какая другая изъ современницъ ея не равнялась въ красотѣ съ нею, ни какая другая не создана была съ органами нѣжнѣйшими и чувствительнѣйшими въ прелестяхъ натуры. Она съ радостными слезами поздравляла приходъ Авроры и великолѣпіе полей; она торжествовала

своимъ

своимъ восхищенїемъ захожденїе солнца, и мирный блескъ Луны. Въ тогдашнее время пѣнїе составляло только простое радостное восклицанїе безъ всякихъ правилъ. Тогда въ одинъ день когда бодрый пѣтухъ возвѣстилъ изъ шалаша приходъ Авроры, (ибо человѣки знали уже для своего утѣшенїя приучать къ своимъ хижинамъ животныхъ не весьма дикихъ, приманкою довольнаго корму) по оной повѣсткѣ, сїя младая красавица оставляетъ покрышку служившую ей ночнымъ убѣжищемъ; сїя покрышка здѣлана была изъ тростнику и еловыхъ ветвей сломленыхъ съ суковъ нѣсколькихъ ближнихъ древесъ ; Она покоилась подъ ихъ тенью, надъ нею обитали птички и воспѣвали подъ густотою листовъ. И такъ юная пастушка исходитъ возрѣть на блѣскъ поль покрытыхъ росою, и что бъ послушать въ ближнихъ рощахъ согласїе птичекъ. Исполненная сладостнаго восхищенїя, она садится слушать, и вскорѣ начинаетъ

чинаетъ своимъ голосомъ подражать звонамъ ихъ голосу. Тогда истекаютъ изъ устъ ея согласныя звоны, и таковые какихъ ни одна еще пастушка не могла произнесть столь пріятно. Изъ различныхъ звуковъ коимъ трогоющій голосъ ея учился подражать щебетанію разныхъ птичекъ, она постаралась составить разныя пѣсенки. Малыя птички! говорила она, возвышая голосъ свой къ пѣнію, малыя птички, веселые пѣвцы лѣсовъ! какіе согласные звоны даете вы намъ слышать съ вершинъ высокихъ древесъ и изъ густины кустарниковъ! для чего не могу я съ таковою же пріятною разностію звуковъ, торжествовать сіяніе возобновляющагося утра! Научите меня симъ разнообразнымъ тонамъ, что бы и я могла воспѣть съ вами восторгъ мой, при видѣ первыхъ лучей солнечныхъ. Тако она пѣла, и не примѣтно было ей что слова ея сладостныя и звенящія сами собою учреждались по мѣрѣ согласнаго ея пѣнія. Она примѣчаетъ

мѣчаетъ наконецъ съ восхитительною радостїю новую гармонїю размѣрныхъ рѣчей своихъ. Какая прелесть! — продолжаетъ она, въ нѣкоемъ родѣ изступленїя — какая прелесть укращаетъ рощу сїю въ коей отзываются сладостныя ударенїя! какимъ блескомъ сїяютъ пространныя поля сїи одушевляемыя росою! гдѣ ты? о гдѣ ты создавшїй всѣ чудеса сїи! коликая пронзаетъ меня радость! я могу отъ нынѣ праздновать хвалу тебѣ въ звонахъ не извѣстныхъ моимъ подругамъ. Между тѣмъ какъ она пѣла всѣ внимательныя окрестности слушаютъ ея съ восхищенїемъ, и птички въ рощахъ умолкаютъ слушая голосъ ея.

По всякое утро приходитъ она въ рощу для упражненїя въ новомъ искуствѣ своемъ; но давно уже младый мущина является туда ея слушать. Восхищаемый удовольствїемъ останавляется онъ за кустами; по томъ воздыхаетъ, и углубляется въ лѣса гдѣ учится подражать слыщанному.

Въ

Въ одинъ день погруженъ бывъ въ глубокїя размышленїя, сидитъ онъ подъ своею тростниковою покрышкою, опершись на лукъ свой. Ибо онъ изобрѣлъ лукъ для убиванїя хищныхъ птицъ похищающихъ голубей его, коимъ подъ ветвми ближняго дерева устроилъ онъ маленькїя жилищи сплетенныя изъ Ивовыхъ прутиковъ. — Что такое, говоритъ онъ — . . . Какое не извѣстное движенїе понуждаетъ меня къ воздыханїю и наполняетъ сердце мое безпокойствомъ? Правда то что движенїе сїе отменно, и что оно мѣшается съ восторгомъ и радостными слезами когда я вижу въ рощѣ младую пастушку и слышу ее поющую; но тотчасъ какъ она удалится, печаль вдругъ возстановляется въ сердцѣ моемъ. Ахъ! что жь такое принуждаетъ меня къ вздохамъ? — Между тѣмъ рука его играла по струнѣ натянутой на его лукѣ; вдругъ исходитъ отъ сей струны звонъ прїятной: младой человѣкъ изумясь приклоняетъ

ухо

ухо свое и вновь отъ струны производитъ тотъ же звонъ. По томъ предается онъ размышленіямъ и глубокомысленно ищетъ средствъ возвысить новое свое изобрѣтеніе. Онъ продолжаетъ до нѣсколько разъ играть струною своего лука, здѣланною изъ кишекъ птицъ хищныхъ; но вдругъ вскакаваетъ онъ поспѣшно: нарѣзываетъ разныхъ палочекъ, двѣ долгихъ и двѣ короткихъ; онъ привязываетъ короткія двѣ палочки каждую къ концамъ долгой, и вытягаваетъ струны прицепленныя къ двумъ короткимъ; ибо рука его умѣла сучить струны; онъ наблюдаетъ пріятную разность тоновъ, вразсужденіи того сильнѣе ли оныя были или слабѣе: тогда перевязываетъ онъ ихъ съизнова и учреждаетъ множайшее число струнъ въ порядкѣ выгоднѣйшемъ для согласія; онъ начинаетъ играть и прыгаетъ съ радости.

Съ сего мгновенія онъ ходитъ ежедневно при возвратѣ утра въ густую рощицу, для навыканія въ семъ

новомъ

новомъ искуствѣ; Онъ сыскиваетъ по струнамъ звоны согласные, кои могли бы подставать къ пѣсенкамъ которыя слышалъ онъ воспѣваемыя младою дѣвицею въ рощицѣ; но долго сказываютъ искалъ онъ тщетно, ибо многое число струнъ не удобно было къ подставанію подъ голосъ, пока на послѣдокъ богъ показался ему въ рощѣ, далъ струнамъ лиры его расположеніе выгоднѣйшее и согласнѣйшее, и проигралъ предъ нимъ разныя пѣсенки. Наставленный симъ урокомъ, младый человѣкъ ходилъ по всякое утро при восходѣ Авроры искать юную дѣвицу въ рощицѣ; онъ научался отъ ней новымъ голосамъ, и тотъ часъ возвращался повторять на своей лирѣ на бережку у источника.

Въ одно прекрасное весеннее утро, младая дѣвица сидѣла въ рощѣ, увѣнчанная вѣнкомъ изъ цвѣтовъ: Она пѣла. — Я поздравляю тебя, вѣщала она, горящее солнце восходящее изъ за горъ сихъ: уже лучи твои освѣ-

щаютъ

щаютъ верхи древесъ на холмахъ возвышенныхъ, и расцвѣчаютъ перушки бодраго Жаворонка плавающаго на высотѣ воздуха. Птички сей рощи, воспѣваютъ приходъ твой, и уже ...... Пастушка вдругъ останавляется, и оглядываясь прилежно въ округъ себя, — какой прїятный голосъ примѣшивается къ моему пѣнїю вѣщала она со изумленїемъ; оный подстаетъ ко всѣмъ звукамъ голоса кой я произношу. Гдѣ ты? для чего прерываешь ты свой голосъ? прїятной голосъ, продолжай пѣть. Не изъ крылатыхъ ли ты обитателей сей рощицы? въ семъ случаѣ лети сюда, и садись на сїю сосну, чтобъ я могла тебя видѣть и услышать твое пѣнїе. — Тако рѣкши, оглядываетъ она по всемъ сторонамъ подъ густыя ветви древесъ. ... Небудь такова дика, и не улетай? или.... Однако я никогда не слыхавала такого голосу въ рощахъ; не обманулась ли я? но не сонъ же это мнѣ мечтавшїйся. Я еще запою пѣсню. — Прелестные

цвѣты,

цвѣты, добро пожаловать: вчерась были вы еще въ пуколкахъ, а нынѣ уже расцвѣли; вы получаете безпокойство отъ зефировъ лобзающихъ утро, отъ пчелъ жужжащихъ и отъ расцвѣченныхъ бабочекъ кои играютъ летая въ округъ васъ и пьютъ съ васъ росу. — Во время сего пѣнія пастушка часто оное перерывала, для обозрѣнія въ округъ себя, ибо голосъ опять подставалъ къ ея пѣснѣ.

Тогда возстаетъ она, нѣсколько испугавшись; нѣтъ., говоритъ она, я не обманулась, голосъ въ самомъ дѣлѣ приставалъ къ каждому изъ моихъ тоновъ. — Когда она изрѣкла слова сіи, младый человѣкъ исходитъ изъ за кустовъ, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ и державъ лиру свою подъ рукою. Онъ беретъ съ улыбкою руку красавицы испужавшейся. Прелестная пастушка, говоритъ онъ ей усмѣхаясь и голосомъ ласковымъ, не крылатые обитатели сей рощи подстаютъ къ твоимъ пѣснямъ: это я соглашалъ сіи струны съ твоимъ

голосомъ

голосомъ. Всякое утро прихожу я въ сїю рощицу слушать твоего пѣнїя, по томъ углубляюсь въ лѣса гдѣ во уединенїи учусь играть на сихъ струнахъ голоса кои отъ тебя слышу. И повѣрь мнѣ пастушка, богъ научилъ меня въ рощѣ. — Изумленные взоры младой дѣвицы бродили съ видомъ застенчивымъ по младому мущинѣ, и устремлялись на лиру его. О прелестная Дѣвица, продолжаетъ онъ съ взглядами исполненными желанїя, какая будетъ мнѣ радость! когда позволишь ты мнѣ слѣдовать за тобою по лѣсамъ, сидѣть сбочь тебя и приставать съ сею лирою къ звонамъ твоего голоса. Тогда юная дѣвица возводитъ очи. Младой человѣкъ, говоритъ она, я бываю очарована когда твоя лира сопровождаетъ мое пѣнїе; звоны ею издаваемые прїятнѣе для меня самого эхо; но теперь пойдемъ со мною подъ тѣнь моей кровли, ибо солнце на полдняхъ даетъ уже ощущать свой жаръ палящїй. Ступай, подъ тѣнїю моего жилища, я накор-

млю

млю тебя вкусными плодами и свѣжимъ молокомъ.

Пастухъ и пастушка отходятъ вмѣстѣ подъ сень покрыши. Юные малчики и юныя дѣвицы научаются отъ нихъ пѣнїю и игрѣ на Лирѣ. Уже чрезъ долгое время послѣ того присовокупили къ сему голосъ свирели, когда Марсїи принесъ къ богамъ лѣсовъ свирель, кою Минерва изобрѣтательница сего орудїя бросила на пѣскѣ бывъ въ праведномъ негодованїй отъ пустословїя богинь (*). На холмѣ

(*) Минерва изобрѣтательница свирели, въ одинъ день играла на оной въ присудствїи богинь, но сїи много смѣялись тому, что она играя губы свои сжимала и поворачивала на сторону видомъ не прїятнымъ. Какая бы красавица не тронута была симъ насмѣянїемъ? Минерва во гнѣвѣ бросила свирель свою.

лмѣ возвышенномъ посадили два дерева въ честь младой дѣвицы и младаго мущины, и отъ вѣка въ вѣкъ новое порожденіе потомства разсказавало подъ ихъ тѣнію потомству будущему о изобрѣтеніи Лиры и пѣнія.

ИДИЛЛІЯ XX.

Фаунъ.

Нѣтъ уже для меня пріятныхъ дней, кричалъ Фаунъ, выходившій при пробужденіи Авроры изъ глубины своей горы. Со времяни какъ прекраснѣйшая изъ Нимфъ ушла отъ меня, я ненавижу свѣтъ солнечный. До тѣхъ поръ какъ я найду ее, ни какой вѣнокъ виноградный не окружитъ роговъ моихъ; я не допущу расти ни какому цвѣтку въ округъ моей пещеры: я вся ихъ потопчу моими ногами, прежде нежели они

раз-

развернутся ; и мою свирель.... И мою кружку, все переломается подъ моими ногами.

Онъ рекъ, и нога его потоптала цветы, разломала свирель и кружку. Въ сїе мгновенїе ока приходитъ другїи Фаунъ, который слагаетъ съ плечь своихъ тяжкую ношу. Не глупъ ли ты, вскричалъ сей? какъ! ныне, въ день радости, въ собственный день праздника вакхова! скорей, окружай тотъ часъ роги свои венкомъ виноградным ъ, и ступай со мною на праздникъ ; ступай торжествовать лучшїй день года.

Нетъ, для меня нетъ уже прїятныхъ дней, рекъ первый Фаунъ. Я клянусь! до техъ поръ какъ я сыщу ее, ни какой виноградный венокъ не окружитъ роговъ моихъ. О мгновенїе злобное, въ которое Нимфа сїя нашла средство избежать моего преследованїя! Она бежала ; река остановила

бѣгъ ея; она остановилась на мгновеніе не подвижна, не рѣшительна: Я дрожалъ уже отъ радости, я уповалъ уже схватить сію красавицу и не взирая на ея супротивленіе заключить въ моихъ жиловатыхъ рукахъ, какъ вдругъ Тритоны, сіи мерскіе разбойники, выскочили изъ рѣки, схватили Нимфу поперегъ и быстрымъ плаваніемъ перенесли на другую сторону рѣки, трубя въ свои роги. Я клянусь Стиксомъ! пока не найду ее, ни какой вѣнокъ виноградный не окружитъ роговъ моихъ.

Какъ, суровость Нимфы! подхватилъ другіи Фаунъ, вотъ достойно смѣха! суровость Нимфы могла такъ возмутить дни твои! что лежитъ до меня, любовь не возмутитъ ни часа, ни одного часа въ моей жизни. Если мнѣ какая ни будь откажетъ въ поцалуѣ, я тотъ часъ отъ ней прочь пойду. Слушай, другъ, я клянусь тебѣ; мои губы не будутъ вѣчно цаловать

ни какой Нимфы, ежели меня какая бы то ни была въ сей день празднованія и радости, хоть на часъ только удержитъ въ своихъ объятіяхъ: Я хочу любить всѣхъ ихъ; я хочу цаловать всѣхъ. Ступай, другъ, не грусти, ты еще молодъ и бодръ, твое смугловатое лице имѣетъ еще красоту, и сіи большія черныя очи живы и пламенны; волосы твои отъ природы завились кудрями въ округъ твоихъ загнувшихся роговъ, кои возвышаются изъ средины завитковъ ихъ окружающихъ какъ два дуба возвышаются посреди дикаго кустарника. Ну, давай я увѣнчаю тебя, Фаунъ, вотъ стебли самые зеленые, дай увѣнчать себя ими. Я слышу уже изъ дали смѣшанный шумъ Тирсовъ, бубновъ и свирелей. Нагибай голову, шумъ приближается; уже подвигается позади горы; наклоняй голову, дай увѣнчать себя. Съ каковою веселостію Тигры везутъ Колесницу! О вакхъ!.. О другъ, ви-

 дишь

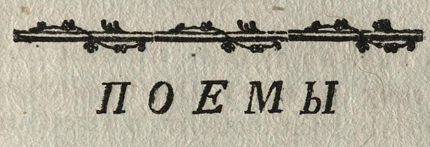
дишь ли Фауновъ и Нимфъ прыгающихъ? какой радостный вопль! О Еванъ, Евое!... Ну вотъ ты увѣнчанъ; скорѣй, помогай мнѣ взложить ношу сїю на плѣча мои.. О Еванъ. Евое! *)

---

*) Еванъ Евое, значитъ добрый сынъ, доброе чадо; восклицанїе общее при вакховыхъ или бахусовыхъ празднествахъ.

КОНЕЦЪ ИДИЛЛІЯМЪ.

ПОЕМЫ

ПАСТУШЬИ.

Крѣлкое Вознамѣреніе.

Куда бредутъ ноги мои уязвленныя объ остріе сихъ елей и тернія сплетеннаго? Небо, какой ужасъ меня объемлетъ! верхи красноватыя сосенъ и завострившееся сучье дубовъ торчатъ изъ дикаго лѣсу и составляютъ надъ главою моею сводъ печальный; древеса древнія, ваши темныя ветви простираютъ надо мною мрачность и унылие! Сяду я здѣсь на семъ старинномъ пнѣ дубовомъ съ изгнившимъ сердцемъ и обстилаемомъ виноградными лозами. Я останусь въ семъ мѣстѣ, коему не касались стопы ни какого смертнаго; ни одинъ человѣкъ со мною не встрѣтится, опричь птицъ уединенныхъ или пчелъ съ жужжаніемъ носящихъ

медъ свой въ дуплы смѣжныхъ мѣсту сему древесъ, или нѣкоторыхъ Зифировъ, воспитанныхъ въ сей засохшей пустынѣ, и не летавшихъ еще на грудь ни какой красавицы. А ты источникъ кипящїй, куда влечешь ты свои струи и твое журчанїе, вдоль по кореньямъ обнаженнымъ, мимо дикой густины сихъ шершавыхъ кустарниковъ? я пойду за твоими струями; можетъ быть они выведутъ меня въ какую ни есть страну еще пустѣйшую ...... Небо, какая дальновидность простирается предъ моими очами! Но вотъ на краю сего навислаго каменнаго утеса, съ коего взоры мои понуряются въ долину. Я сяду здѣсь, на верху сего наклоненнаго камня, изъ подъ коего источникъ низвергается въ сей мрачный боръ сосновый, въ который приходитъ онъ раздѣляясь во влажную пыль, и стучитъ въ своемъ паденїи какъ громъ въ дали. Кусты изсохшїе висятъ печально съ сего каменнаго наклона, какъ волосы упадающїе

безпоря-

безпорядочно по лбу человѣконенавидца Тимона, того Тимона коему никогда не знакома была сладость поцалуя похищеннаго на устахъ младой красавицы. Спустимся въ долину; тамъ мои унывно бредущія стопы, пройдутъ по берегу рѣчки извивающейся посреди сей не обитаемой долины. Я поздравляю тебя долина уединенная, и тебя рѣчка, и тебя лѣсъ темный. Берегъ страшный, я пойду бродить по твоимъ пескамъ изсохшимъ. Лѣсъ созданный убѣжищемъ задумчивости, я новый пустынникъ, хочу успокоиться въ тѣняхъ твоихъ. Прощай на всегда, любовь; твои стрѣлы здѣсь меня не достигнутъ. Я не хочу уже больше любить: я желаю во уединеніи семъ упражняться въ мудрости. Прости, прелестная смуглянка, съ твоими большими черными очами, коихъ молнія поразила любовью мое сердце, увы досель мало остерегавшееся. Слышишь, прощай! вчерась

еще, одѣтая въ твое бѣлое лѣтнее платьѣ, прыгала ты съ видомъ шутливымъ въ округъ меня, такъ какъ прыгаютъ струи сїи играя съ лучами солнечными. И ты, красавица бѣлокурая, прощай. Я припоминаю еще твои взглядъ страстный . . . . Увы! ты много владычествовала моимъ сердцемъ; . . . . сїи два окруженїя бѣлѣйшїя алебастра! . . . Ахъ я боюсь чтобъ мысль сїя по часту не приходила возмущать меня въ самомъ моемъ убѣжищѣ избранномъ для мрачныхъ разсужденїи, и не извлекала бы еще моихъ вздоховъ. Прощай Мелинда, прощай красота величественная, видъ разительной, походка важная, чело повелительное какъ у Паллады: и ты маленькая Хлоя, въ игреливой своей резвости прыгающая и старающаяся соткнутся съ моими губами чтобъ дать имъ поцалуй. Прощай! прощай! я изгоняю себя въ страну сїю, я успокоюсь подъ тенїю сихъ сосенъ, погруженный

въ

вѣ глубокiя размышленiя, я насмѣюсь надѣ силою любви: удалимся вѣ гущину сихѣ листьевѣ, вѣ сiи стези печальныя, и . . . . но . . . . Ахѣ небо! что зрю я на пескѣ при берегѣ? я трепещу. Ахѣ . . . . Это слѣдѣ младой дѣвицы . . . . Прекрасная ножка! ахѣ какѣ она мала! какѣ стройна! . . . . важныя разсужденiя! мрачная задумчивость! ахѣ! гдѣ вы? . . . . Какѣ правильна походка ея! рѣшилось, я . . . . Ахѣ красавица! я тороплюсь бѣжать по слѣдамѣ твоимѣ: о если бы я такѣ былѣ счастливѣ, чтобѣ достигѣ тебя! я сожму тебя тогда вѣ моихѣ объятiяхѣ, я дамѣ тебѣ тысячу поцалуевѣ. Не убѣгай дражайшая, я скажу тебѣ, или бѣги по крайней мѣрѣ такѣ, какѣ роза убѣгаетѣ отѣ лобзанiи Зефира; оная старается вырваться, оная наклоняется вѣ другую сторону, но за тѣмѣ лишь чтобѣ вѣ ту жь минуту возвратится сѣ усмѣшкою кѣ его поцалуямѣ. *Весна.*

Весна.

Какое сладостное согласїе, какой божественный восторгъ удаляетъ отъ меня обманчивыя сновидѣнїя утреннїя! небесная радость меня проницаетъ. Любезная весна, тебя ли я опять вижу, украшенную смѣющимися прелестьми младости. Аврора въ своихъ багряныхъ ризахъ приводитъ тебя съ востока, она приводитъ съ тобою радостныя игры, громкїй смѣхъ и любовь . . . . Любовь! которая пробѣгая очами рощицы и луга, кажется усмѣхающеюся объ успѣхахъ наступающихъ побѣдъ своихъ. Уже она поправляетъ твердый лукъ свой, и потряхаетъ страшнымъ своимъ колчаномъ. Грацїи также умножаютъ послѣдствїе твое, любезная весна, они выступаютъ сплетясь руками. Прелестное сборище, ты приходишъ вмѣстѣ съ первыми лучами посланными восходящимъ солнцемъ на землю. Безчетныя стада птицъ играютъ.

между столбовъ воспламенѣнныхъ просѣкающихъ облаки. Они лѣтятъ тебѣ во срѣтенie, они поздравляютъ тебя своимъ пѣнiемъ. Исполненныя нетерпѣливости младыя розы тщатся вывернутся изъ своихъ пучковъ, каждая изъ нихъ хочетъ первая раскрыть недра свои, испустить свое сладостное благовонie, усмѣхнуться на приближающуюся весну.

Зефиры возвѣщаютъ тебя своими резвостями: они бросаются съ горъ въ долину, летаютъ по рощицамъ, пробѣгаютъ по лѣсамъ; они посѣщаютъ съ коварною усмѣшкою мѣста гдѣ открывали влюбленнымъ пастухамъ суровыхъ красавицъ коихъ они любятъ, спрятавшихся для слушанiя ихъ пѣнiя; они узнаютъ мѣста гдѣ они плутовски принудили закраснѣться младую пастушку, плясавшую въ кругу пастуховъ; они разсыпаются по лѣсамъ между кустиковъ; и жужжанiемъ своимъ, возвѣщаютъ возвращенie свое Нимфамъ уснувшимъ и Фаунамъ

 удалив-

удалившимся въ свои пещеры. Сіи выходятъ шатаясь, они начинаютъ съ Сатирами имѣющими козьи ноги созывать своимъ радостнымъ крикомъ и свистомъ въ свои дудочки Нимфъ обрадованныхъ. Наяды отверзаютъ свои урны кои содержали запертыми во время зимы. Источники которыя начинаютъ они изливать, то журчатъ между стеблей древесныхъ подъ зеленѣющимися сводами составляющимися изъ сплетенія ветвей ихъ, то упадаютъ шумящими каскадами съ вершины холмовъ увѣнчанныхъ лѣсомъ; ихъ воды разливаются, извиваясь по лугамъ; и собираясь наконецъ между пріятныхъ бугорковъ составляютъ тихо стоящія лужи. Тамо часто объемлютъ они нѣжные члены младыхъ красавицъ приходящихъ въ нихъ купаться.

Гряди, любезная весна, гряди разліять по всюду радость. О друзья мои, весна владычествовала тогда,

какъ наша Ладїя плавала тихимъ колебанїемъ по озеру умноженному прозрачными ея водами. Волны сребреновидныя прыгали во кругъ насъ какъ бы стада; зефиры резвые играли съ ними и подгоняли ихъ къ Ладїи, о кою всякїй валъ ударялся и разсыпался съ шумомъ. Прочїе гонялися отъ самой Ладїи до самаго тенистаго берега, гдѣ эхо повторяло нашу радость и съ нами смѣялося. Они бѣгали между тростника, коего головки легко наклоненныя по волѣ вѣтра казались ихъ призывающими; но вскорѣ возвращалися они опять прыгать въ округъ нашей Ладїи. Тогда друзья мои, играя избирали вы меня на берегу въ Короли, вы украшали чело мое виноградомъ: утѣхи и радость были посреди насъ.

Весна опять владычествовала, о друзья мои! когда на семъ возвышенномъ бугрѣ мы построили, изъ зеленыхъ ветвей шалашъ, подъ тѣнїю, коего посадились мы на муравѣ,

вѣ, пили и воспѣвали, обнимая другъ друга, забавныя пѣсенки. Боги лѣсныя насъ слушали, и воспѣвали тихонько послѣ насъ. И нынѣ еще, въ теняхъ рощицъ и на скатахъ холмовъ, они повторяютъ тоже пѣсенки по среди своей пляски и во упоенїи своихъ празднествъ.

Любезная весна, спѣши, гряди покрыть луга наши цвѣтами, шествуй возвратить лѣсамъ, рощамъ, кустарникамъ ихъ листье и ихъ украшенїе: Вакхъ съ престарѣлымъ Силеномъ, и всѣми своими послѣдователями, поздравляютъ возвратъ твой радостнымъ смѣхомъ, ибо гдѣ смѣются веселѣе какъ подъ тенями зеленыхъ листовъ? часто подъ прохладною сенью нагнувшихся ветвей, любовь находитъ шутливаго вакха: музы такъ же ихъ посѣщаютъ; ибо имъ прїятно внушать свои пѣсни: Богъ воспѣваетъ въ ихъ присудствїи, и расказаваетъ имъ повѣсти прерываемыя по минутно громкимъ смѣхомъ, выскакавающимъ на

главу его увѣнчанную виноградными листами дѣлающими тень лицу его; съ полнымъ по края сосудомъ, воспѣваетъ онъ имъ походы свои въ страны удаленныя за Индїю, онъ расказаваетъ какъ побѣдилъ народы Васанскїя, какъ во младенчествѣ своемъ, случившись въ кораблѣ морскихъ разбойниковъ превратилъ воровъ сихъ въ Делфиновъ, какъ Гирланды изъ винограда и блюща обвиты были въ округъ мачты и веслъ, какъ претворилъ онъ воду морскую въ сладкое вино, тогда онъ опорожняетъ сосудъ, потомъ смѣется и начинаетъ расказавать какъ далъ онъ рожденїе розѣ. Я хотѣлъ, вѣщаетъ онъ, обнять младую Нимфу, прекрасная бѣжала отъ меня легкими ногами по цвѣтамъ и оглядаваясь назадъ; она плутовски усмѣхалась видя меня шатающагося и гонящагося за нею ногами подгибающимися. Клянусь Стиксомъ, что никогда бы не догналъ я сїю прекрасную Нимфу, если бы сукъ еловый не запу-

таллся

тался въ взвѣвающееся воскрылїе одѣждъ ея. Бывъ очарованъ, я приближаюсь къ ней, и потрепавъ съ нѣжностїю ея щоки, красавица, говорилъ я ей, не будь такова сурова, я вакхъ, Богъ вина, Богъ радости, вѣчно младъ пребывающїй; тогда убѣжденная почтенїемъ, она позволяетъ цаловать себя. Для изъявленїя благодарности моей суку еловому, прикасаюсь я жезломъ моимъ къ нему, и повелѣваю покрыться ему цвѣтами коихъ прелестная алость подражала бы румянцу стыдливости распространившемуся на щекахъ Нимфы. Я повелѣлъ, и роза родилась.

Панъ слушалъ повѣсть сїю, сидя на моховой пудушкѣ; голова его увѣнчанная еловыми отраслями, опиралась въ видѣ прилѣжнаго вниманїя на его руку: Вакхъ, рѣкъ онъ, я не былъ столько какъ ты счастливъ, когда гнался за Сиринксою. Потомъ оборотясь къ Купидону улыбающемуся еще о коварствѣ своемъ: не жалос-

тли-

тливый богъ любви! сколь люто поразилъ ты сердце мое, когда Нимфа сія превращена была въ тросникъ. Онъ рѣкъ и понуренныя очи его горестно возрѣли на его свирельникъ составленный изъ седьми тростинъ, по томъ обращается онъ къ своему кубку; онъ испиваетъ и удаляетъ прочь печаль свою.

Купидонъ также расказавалъ о своихъ побѣдахъ, и какъ онъ торжествовалъ надъ суровыми красавицами. — Ахъ черноволосая красавица, каковъ будетъ восторгъ моей радости! естьли никогда имя твое не включится въ пѣсни побѣдъ его.

Во ожиданіи Дафну въ прогулкѣ.

Она нейдетъ еще, прекрасная Дафна! я лягу здѣсь на травкѣ и подожду на берегу сего источника. Я употреблю сіи минуты на разсмотрѣніе окружающихъ меня мѣстъ, и обману мою нетерпѣливость. Темный

ный лѣсъ еловый коего пни красноватые сжимаются другъ къ другу и простираются какъ стрѣлы по густымъ твоимъ тенямъ; дубы древнїе и ты рѣка величавая и быстрая, коя изъ недръ сихъ сѣдеющихся горъ, изливаешь съ великимъ шумомъ посребренныя струи свои, не васъ хочу я разсматривать. Мурава меня окружающая будетъ для меня единымъ предметомъ. Какъ люблю я твое кроткое журчанїе, слабый источникъ, стремящїйся по кресу и другимъ ключевымъ травамъ, коихъ голубоватые цвѣтки возвышаются надъ твоею поверхностїю. Твои струи обливающїяся въ округъ ихъ дрожащихъ стеблей изображаютъ маленькїя блѣстящїя колечки. Трава наклонившаяся покрываетъ оба берега твои и украшаетъ оныя тысячью цвѣтовъ. Сїи цвѣты нагибаются какъ споруясь для осененїя твоего теченїя; прозрачныя воды твои катятся по дну распещренно-

му и блистаютъ отъ повторенія ихъ красокъ.

Пробѣжимъ очами сей малой лѣсокъ травный; какая разновидная изобильность въ тѣняхъ сей зелени, освѣщаемой солнцемъ! тѣнь каждаго наклоненнаго стебелька летаетъ туда и сюда надъ стебелькомъ со смѣжнымъ. Густота растѣніи нѣжныхъ простираетъ между муравою свои мѣлкія веточки и свои листки разновидныя: другія возвышаются изъ травы ее окружающей, и колеблютъ по волѣ Зефира свои стебли обременѣнныя цвѣтами. Но ты, фіялочка пурпуровая, символа истинной мудрости, ты пребываешь покорственно смѣшанная съ травами самыми простыми, и изливаешь окрестъ себя сладчайшее благовоніе, между тѣмъ какъ цвѣты не имѣющіе запаху возносятъ изъ травы гордливую главу свою и спесиво привлекаютъ наши взоры. Червячки крылатые гоняются другъ за другомъ подъ травою; иногда око мое

ихъ теряетъ въ зеленой тени, то усматриваетъ ихъ выползающихъ на солнечныя лучи, или взлетающихъ безчисленными легiонами, и дѣлающихъ посреди воздуха тысячи сверкающихъ оборотовъ.

Какой цвѣтъ, украшенный прелестнѣйшими красками, кажется висящимъ на вѣтрѣ при брегѣ сего источника? какая живость! какой болрственной блѣскъ! . . . Но нѣтъ, прiятная ошибка! то бабочка взлетаетъ и оставляетъ по себѣ веточку травы еще трясущуюся. Какое другое несѣкомое летитъ жужжа, покрытое бронею черною и носящее на крылахъ красноватость блистающую? оно садится на близрастущiй колокольчикъ; можетъ быть тамъ находится его подруга! О источникъ! удержи твое стремленiе! укроти твое журчанiе! и вы Зефиры, опасайтесь нагибать травки со цвѣтами . . . Не ослѣпленiе ли чувствъ, или въ самомъ дѣлѣ слышу я звоны тончайшiе и услаж-

денїе не изобразимое? они поютъ, нѣтъ сумнѣнїя; но наше ухо весьма грубо для чувствованїя Гармонїи столь нѣжной, равно какъ око наше не достаточно ко усмотрѣнїю нѣжнаго устроенїя ихъ членовъ. Какое прїятное жужжанїе раздается округъ меня? кто можетъ колебать таковымъ образомъ всѣ цвѣты! это рой маленькихъ пчелокъ; оставляя удаленное свое жилище, оный съ веселостїю употребляетъ свой полетъ, дабы разыпаться по лугамъ и садамъ. Тамъ они избираютъ съ просвѣщеннымъ вниманїемъ и собираютъ съ жаромъ желтую добычку, которою по возвращенїи своемъ, умножаютъ казну своей республики. Всѣ члены способствуютъ съ равнымъ тщанїемъ къ добру общему, и нѣтъ у нихъ ни одного гражданина ленивого. Они летаютъ туда и сюда съ цвѣтка на цвѣтокъ: иногда въ пути своихъ промысловъ они всовываютъ свои маленькїя бархатныя головки въ средину цвѣтовъ развернувшихся

иногда же разверзаютъ оныя силою, и влазятъ всемъ тѣломъ между листковъ еще не раскрывшихся. Цвѣтокъ скрывается по прежнему и прячетъ отъ глазъ самаго маленькаго хищника грабящаго у него богатство, которое можетъ быть, нѣкогда въ день позднѣйшій, самъ бы онъ разверзъ отъ солнца или росы утренней.

Тамъ на семъ цвѣткѣ возвышающемся между дятловиною, сидитъ *маленькая бабочка ; она распростираетъ* свои испещренныя крылушки ; мѣлкія пятнушка пурпуровыя разсѣяны по серебристому основанію, а по краямъ онаго золотая опушка соединяется съ прекрасною зеленою тенью. Вотъ великолѣпно сидящая: маленькіи хохолокъ изъ сребровидныхъ перьевъ украшаетъ ея головеночку. Пригожая бабочка! наклони цвѣтокъ чтобъ оный спустилъ тебя надъ ручей, и поглядись на себя въ водѣ тебя изображающей ; тогда ты будешь сходствовать на прекрасную

красную Белїиду, забывающую предЪ своимЪ зеркаломЪ что она можетЪ быть иною вещью нежели бабочкою. Уборы ея не таковы блистательны какЪ твои крылушки, но она такЪ же мало размышляетЪ какЪ и ты.

Какую шумную игру начинаете вы резвые зефиры! вотЪ какЪ они бѣгаютЪ другЪ за другомЪ и валяются по травкѣ. Подобно волнамЪ кои легкое дыханїе гонитЪ предЪ собою на поверхности озера, травка волнующаяся наклоняется предЪ ними и уступаетЪ имЪ сЪ роптанїемЪ мѣлкой прелестной народЪ коему оная служитЪ убѣжищемЪ взлетаетЪ и сЪ ужасомЪ сЪ воздуха взираетЪ на таковую опровергающую бурю. НаконецЪ зефиры успокоилисб опять, травки и цвѣты призываютЪ своихЪ обитателей и приглашаютЪ сЪ прїятностїю низпуститься.

Но что я вижу? для чего не могу я учиниться невидимымЪ! цвѣты спрячте меня! вотЪ младая Гїяцинта

нта идущая тамъ въ своемъ красивомъ платьѣ сїяющемъ отъ золота. Она спѣшитъ по густой муравѣ кою топчетъ ногами; Она проходитъ мимо природу пренебрежительно. Тщетно оная предъ нею усмѣхается. Это для ней красота весьма древняя: Она бѣжитъ къ божественной Генрїетѣ: той у которой прекрасный полъ собирается въ округъ карточнаго стола, той которыя платье восхищаетъ глаза тончайшихъ знатоковъ, гораздо больше нежели сїянїе пламенѣющееся прекраснаго вечера. О какъ бы она захохотала! когда бъ увидѣла меня отдаленна отъ пригожаго пола валяющагося по травѣ между несѣкомыхъ; но позвольте извиниться, сїяющая Гїяцинта, если я имѣю глупость утратить случай взирать на великолѣпїе вашей выступки и блѣскъ вашего платья: я занимаюсь разсматриванїемъ червячка выползающаго на ветку сей травки; его крылушки безпрестанно движущїяся

расписа-

расписаны великолѣпно по зелено золотому полю всѣми разновидными цвѣтами радуги. Прости, сїяющая Гїяцинта, прости природѣ давшей бѣдному несѣкомому платье величественнѣйшее, нежели каковые могутъ доставлять вамъ художества наилучшїя; вамъ! коихъ душа возвышенная оставляетъ пренебрежительно совѣсть и вѣру безтолковымъ земледѣльцамъ.

Но, я вижу идущую, прекрасную Дафну! я стрѣмлюсь къ ней. Прощайте, цвѣты прелестные; и вы маленькїе обитатели луговъ, я васъ оставлю; но вы дадите мнѣ испытать не одинъ разъ таковыежъ восторги. Вы дадите мнѣ еще вкусить восхитительную утѣху созерцать въ дробнѣйшихъ красотахъ природы, счастливое согласїе красиваго и полезнаго, прицепленнаго другъ ко другу узами не разрушимыми, и на всегда соединенными во объятїяхъ вѣчныхъ.

Прекрасная Дафна идетъ, вотъ уже приближается. Какъ зеленая одѣжда ея взвѣвается легко по волѣ Зефировъ! какъ прiятно усмѣхаются уста ея! сколь прекрасны ея очи! но вся прелесть сихъ прекрасныхъ очей погибла бы для меня, если бы оныя не изображали въ себѣ чувствованiи души еще прекраснѣйшей и сердца еще благороднѣйшаго.

Желанiе.

Естьли осмѣлюсь я ожидать отъ судьбы совершенiя единственному моему желанiю. (Ибо всѣ прочiя мои желанiя суть только мечта, сновидѣнiя. Я пробуждаюсь и не вѣдаю уже о чѣмъ я бредилъ, по тому что я не желалъ какой ни будь вещи служащей къ благополучiю другихъ.) И такъ естьли осмѣлюсь я ожидать отъ судьбы таковой благосклонности, не пожелаю я ни изобилiя, ни владычествованiя надъ подобными мнѣ,

ни того что бъ имя мое твердилось у народовъ отдаленныхъ.

О для чего не могу я, въ не извѣстности, спокоенъ, жить во удаленіи отъ шуму градскаго, гдѣ сердца праведныя ходитъ посреди тысячи сѣтей не избѣжимыхъ, гдѣ нравы и обычаи уважаютъ тысячу глупостей. Не могуль я въ недрахъ деревни уединенной, провести мирные дни мои подъ соломенною кровлею, близъ саду полеваго, защищеннаго, равно отъ зависти какъ и отъ торжествованія!

Орѣшины сплетшіяся ветвями покрываютъ своею тѣнію мой домикъ уединенный. Подъ ихъ зелеными листами обитаютъ предъ моими окнами, сладкіе Зефиры, любезный холодокъ, и тихое спокойство. Предъ входомъ, въ маленькой огородкѣ обсаженной живымъ заборомъ, чистый источникъ журчатъ подъ плетенками винотрадными. Въ теченіи сихъ чистыхъ водъ, тростникъ играетъ съ своими молодыми.

кроткiе голуби спускаются для прохлажденiя себя подъ сею тенистою крышкою, они прогуливаются по муравѣ повертавая своими шѣйками расцвѣченными тысячью красокъ: между тѣмъ величавый пѣтухъ на дворѣ собираетъ въ округъ себя своихъ квохчущихъ куръ. Всѣ они стекаются на звонъ моего голоса, и приходятъ стадами просить съ ласковымъ видомъ корму у своего хозяина.

Птички, коихъ вольность ни когда не возмущалась, обитаютъ въ густыхъ листахъ деревъ смѣжныхъ, и перекликаются дружественно съ дерева на дерево своимъ пѣнiемъ. Въ уголкѣ маленькаго двора моего установятся ульи со пчелами. Республика ихъ составляетъ позорище столь же полезное какъ и прiятное. Они возлюбятъ пребывать въ моемъ виноградникѣ, естьли правда то, какъ сказаваютъ деревенскiе жители, что оныя водются только въ мѣстахъ гдѣ царствуютъ миръ и покой.

покой. По зади дому будетъ располоЖенъ мой пространный садъ, въ коемъ простое художество безъ труда поможетъ дѣйствовать пріятнымъ своенравіямъ натуры. Неувидитъ она ни какого противу себя упорства, что бы произведенія ея служили существомъ рабствующимъ, и свертавались въ видахъ странныхъ и смѣхотворныхъ. Стѣна орѣховая, окружитъ сей садъ; во всякомъ углу будетъ кадка дикаго винограду. Тамъ часто буду я укрываться отъ лучей солнечныхъ палящихъ, и увижу садовника упражняющагося во взрываніи грядъ для посѣннія вкусныхъ овощей. Часто поощряемый ревностію его къ работѣ, я возму заступъ изъ рукъ его и начну самъ копать, а онъ стоя близъ меня, посмѣется моему малосилію. Иногда я пособлю ему, то привязавать къ колушкамъ стебли нагнувшихся сажденіи, то въ попеченіи о розахъ, гвоздичкахъ и лиліяхъ развалившихся.

Выше саду, чистый ручей оросить мои луга покрытые густою травою; отъ туда, оный изовъется подъ тенію рощицы древесъ плодовитыхъ, перемѣшанныхъ съ нѣжными сѣянцами воспитаваемыми рачительно самимъ мною. Посрединѣ оныхъ я соберу воды его въ маленькой прудокъ, въ коемъ возвышу маленькіи островокъ, а на семъ островкѣ воздвигну зеленую бесѣдку. О ежели бы могъ я выбрать еще холмокъ для винограду, протягавающійся сбочь долины, если бъ владѣлъ я такъ же маленькимъ полемъ покрытымъ волнистымъ терновникомъ, богатѣйшій изъ государей показался ли бы мнѣ достойнымъ зависти?

Но что бъ мое жилище находилось подалее отъ деревенскаго дому, въ который пріѣжаетъ Дорантъ, дабы не быть прерываему въ важныхъ своихъ разговорахъ: у него то освѣдомляются что Франція объ войнѣ не помышляетъ; отъ него узнаютъ всѣ то, что здѣлалъ бы Мопсъ когда

гда бъ оный былъ Королемъ великой Британіи; и тогда какъ въ округъ изобильнаго стола, провозглашаютъ противу всѣхъ наукъ и недостатковъ нашего правленія, величавая важность оказавается напечатана на лбахъ пустыхъ господъ присудствующихъ здѣсь за столомъ. Да будетъ убѣжище мое удалено отъ жилища Оронтова, который безпрестанно занимается собираніемъ въ свой погребъ винъ родящихся подъ климатами отдаленными. Есть ли природа имѣетъ для него какія ни будь пріятности, то по тому лишь единственно что находятся въ ней для него избраннѣйшія вещи летающія по воздуху, или приносимыя лѣсами, или плавающія въ водѣ, онъ спѣшитъ въ деревню за тѣмъ, что бъ могъ свободно предаваться дѣйствіямъ распутства; по его обычью очень худо то что въ семъ злобномъ городѣ глупые сосѣди примѣчаютъ все что онъ ни дѣлаетъ. Несчастный! не можешь ли ты одинъ

———

день пробыть самъ съ собою безъ всякаго общества. Ты не можешь снесть сего. Можетъ быть ты боишся возвести взоръ на самаго себя, который тебя испугаетъ. Но не опасайся ничего, задыхающїяся лошади прїятелей твоихъ спѣшатъ доставить тебя свои недостойныя бремяна. Вотъ они, всѣ сговорившись, слезаютъ съ своихъ невинныхъ возниковъ; дерская радость, бунтующее безразсудство и глупости сотовариществуютъ имъ отъ самаго обѣда до тѣхъ поръ какъ пресыщенїе пьянства оканчиваетъ сїе шумное дѣйствїе. Да буду такъ же я удаленъ и отъ тебя, голодный Гарпагонъ, коего ворота стрегутся выморенными псами, которыя въ жару снѣдающей ихъ алчности, вырываютъ у нищихъ кусокъ хлѣба поданный имъ съ угрозами, кусокъ хлѣба орошенный ихъ слезами. Въ окрестныхъ поляхъ, злочастные твои подданные стонутъ отъ суровости твоихъ гоненїи. Рѣдко восходитъ

дымъ изъ твоихъ развалившихся трубъ; и справедливо то безъ сумнѣнія, что надлежитъ тебѣ умирать съ голоду, для того что богатство твое награблено съ жалости достойныхъ бѣдныхъ.

Но куда заводитъ меня огорченіе? возвратитесь, воображенія пріятныя, возвратитесь и отдайте ясность душѣ моей. Поведите меня въ округъ моего маленькаго домика. Я сосѣдями моими буду имѣть добрыхъ земледѣльцовъ въ ихъ закопченныхъ хижинахъ; помощь взаимнаго добротворенія, совѣты чистосердныя дружества понудятъ насъ къ нѣжной усмѣшкѣ какъ добрыхъ сосѣдей при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Что по истиннѣ можетъ быть сладостнѣе какъ быть любиму? что во истинну пріятнѣе какъ быть встрѣчену съ видомъ удовольствія человѣкомъ кому оказалъ добро?

Когда бунтующій шумъ пробудитъ отъ сна городскихъ жителей? когда сосѣднея стѣна лишаетъ взоры бла-

готворительности восходящаго солнца; когда удивительное зрѣлище Авроры заслонено предъ ихъ започенными взорами: Тогда возбужденный прохладнымъ утреннымъ вѣтеркомъ и сладостнымъ пѣнїемъ птичекъ, я изъиду изъ объятїи покоя дабы стрѣмиться во стрѣтенїе Авроры, или въ луга распещренные, или на склонъ смѣжнаго Холма. На высотѣ горы, я изображу восторгъ мой радостнымъ пѣнїемъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть восхитителнѣе прекрасной природы, когда ея красоты разноличныя до безконечности, спекаются въ смѣшенїе исполненное согласїя? Человѣкъ дерзостный! какъ осмѣливаешься ты украшать естество художествами только весма слабо ей подражающими? составляешь Лавиринфы изъ стѣнъ зеленыхъ; оканчиваешь ихъ пирамидами всевозможной вышины; усыпаешь дорожки свои чистымъ пескомъ, что бъ ни какая веточка не коснулась ногѣ твоей, когда ты прогуливаешься. А я люблю

луга

луга простыя и лѣса дикїе. Природа царствуетъ въ скрытомъ порядкѣ въ ихъ смѣшанной разновидности, соображающаяся тайнымъ правиламъ согласїя и красоты, коихъ дѣйствїе даетъ себя чувствовать душѣ нашей чрезъ сладостное восхищенїе.

Часто при тихомъ сїянїи Луны, я прогуливаюсь до полуночи, погруженный въ глубокїя размышленїя о согласїи системы вселенныя, между тѣмъ какъ мїры и солнцы безъчисленныя блистаютъ надъ главою моею.

Иногда такъ же слѣдую я за земледѣльцомъ, когда оный воспѣваетъ шествуя позади плуга прорѣзавающаго трудную борозду: гдѣ въ послѣдствѣ увижу я собранїе жнецовъ устанавливающихся рядомъ. Я услышу ихъ деревенскїя пѣсни, и ихъ повѣсти невинныя и ихъ радостныя шутки. Или когда осѣнь наступившая расцвѣтитъ древеса наши пестрыми красками, когда пѣнїе собирателей винограду раздается по

горамъ, я включу себя въ число ихъ. Я увижу юныхъ дѣвушекъ и младыхъ малчиковъ смѣющихся взаимно подъ ветвями виноградными, обирающихъ спѣлые грозды. Когда сокровища осѣннія будутъ собраны, они пойдутъ испуская резвливый крикъ къ домамъ своимъ, гдѣ шумъ ихъ приближенія отдастся еще изъ далека. Они соберутся подъ навѣсомъ гдѣ радостный пиръ ихъ ожидаетъ. Первая алчность укрощена: веселость деревенская начнетъ показаватьея, сопровождаемая громкимъ смѣхомъ. Ласковый хозяинъ наполняетъ вновь виномъ фляги, и побуждаетъ весь народъ веселиться. Тогда Гвильемъ расказаваетъ какъ онъ здѣлалъ великое путешествіе, почти до самой Швабіи; какъ онъ видѣлъ домы гораздо больше и красивѣе деревенской Церкви; какъ шесть лошадей самыхъ лучшихъ, и которыя лучше тѣхъ кои ходятъ на лугу у мѣлника, везли боярина въ лоснящейся отъ вездѣ каляскѣ, и какъ въ той сторонѣ мужики

мужики носятъ зеленыя вязаныя шляпы. Онъ расказаваетъ, столько хорошихъ вещей, что младой работникъ остается разинувъ ротъ, и оперши голову на руку въ глубокомъ вниманiи, и который забылъ бы что госпожи его сидитъ у него съ боку, если бы оная съ усмѣшкою не мазнула его по губамъ. Егоръ расказаваетъ въ свою очередь какъ за сосѣдомъ его гнался однажди летучей огонь, садился къ нему на кузовъ и гнался бы за нимъ до самаго сарая, ежели бы онъ не сотворилъ молитву. Всѣ по томъ исходятъ изъ подъ навѣса для пляски при лунномъ сiянiи, до тѣхъ поръ какъ зазвенитъ полночный часъ и пригласитъ къ отдыхновенiю.

Но когда дни ненастливые и дождливые, когда зимнея стужа или палящiй лѣтнiй жаръ удержатъ меня отъ прогуливанiя, я запрусь въ моемъ уединенномъ кабинетѣ гдѣ увеселюсь сладкою бесѣдою просвѣщеннѣйшаго общества, бесѣдою сихъ

великихъ

великихъ умовъ, чести и славы каждаго вѣка, кои излїяли въ своихъ нравоучительныхъ сочиненїяхъ, сокровищи своей мудрости. Общество по истиннѣ благородное! кое возвышаетъ нашу душу и возстановляетъ въ свое природное достоинство. Одинъ изображаетъ мнѣ нравы народовъ иностранныхъ и чудеса натуры въ поясахъ свѣта отдаленнѣйшихъ; другой открываетъ мнѣ таинства естества и вводитъ меня въ его *скрытую* лабораторїю. Сей наставляетъ меня о внутреннемъ состоянїи народовъ и ихъ исторїи, и купно о стыдѣ и славѣ рода человѣческаго. Тотъ вразумляетъ меня о величїи и предопредѣленїи души нашей и прелестяхъ добродѣтели; въ округъ меня будутъ раскладены мудрецы и стихотворцы древнїя. Стезя которой они слѣдовали есть стезя истинной красоты, но только малое число осмѣлилось ею шествовать, множество душъ слабыхъ вскорѣ

утра-

утратило бодрость и возвратилось вспять дабы шествовать путями труднѣйшими, усѣянными блесками мишурными и цвѣтами безъ запаху. Скажу ли я о имянахъ малочисленныхъ? О *Клопштокъ*, (1) духъ творитель-

(1) Господинъ Клопштокъ есть сочинитель *Мессіяды*, Нѣмецкой Епической поемы, которой находится десять пѣсней, а надлежитъ быть двацать. Удивляются изоѣрѣтенію, силѣ мыслей, и благородству слога оныя. Г. Клопштокъ есть также первенствующій заводчикъ бунта учиненнаго въ наши дни противу механизма Нѣмецкой поезіи. Не доволенъ бывъ послѣдованіемъ примѣрамъ Трисина и Милтона, упадающихъ въ монотонію рифмъ, не прибавляя ничего къ сему украшенію; онъ не освободилъ себя отъ ига кое несли его предшественники, но предавая еще себя работѣ труднѣйшей, оказался въ сіяніи красотъ возвышенныхъ: онъ не меньше предопредѣлилъ себѣ какъ перенести въ свойство языка своего рифмы поезіи Греческой и Латинской. Онъ дѣлалъ стихи по мѣрѣ гексаметровъ о мировыхъ и Виргиліевыхъ; уши его

рительный, и ты *Бодмерѣ*, (2) который съ *Брентингеромъ* (3) выставилъ факалъ критическій въ супротивленіе симъ старымъ обманщикамъ кои заблуждались въ болотахъ вязкихъ и въ пустыняхъ засохшихъ, и ты *Виландъ* (4) коего муза часто посѣщаетъ важную сестру

соотчичей нашли въ его стихосложеніи согласіе вообразецъ себѣ, и Нѣмецкая земля постаралась усовершить сіе счасливое нововведеніе.

(2) Г. Бодмеръ есть совмѣстникъ Клопштоковъ въ Епопеѣ; онъ есть творитель *Ноя голубя*, *Іосифа* и *Зулики*, поемъ наполненныхъ мѣстами высокими.

(3) Г. Брентингеръ съ Бодмеромъ были оба Профессорами въ Академіи Цирхской, и суть превосходные Критики. Первый издалъ Піитику Нѣмецкую; а вторый написалъ критическія примѣчанія на Поэзію.

(4) Г. Виландъ есть авторъ многихъ славящихся сочиненіи на Нѣмецкомъ языкѣ, отмѣнными считаютоя его *епистолы правоучительныя*, *поема* его на *природу* его *басни* и *писма отъ мертвыхъ къ живымъ*.

тру свою Философію; и приходитъ подкрѣплять въ ея удаленныхъ убѣжищахъ, матерію тончайшую, которая въ твоихъ богатыхъ сочиненіяхъ пріемлетъ видъ обворожающихъ Грацiи. О колико разъ ваше пѣніе приводитъ меня въ священные восторги! и ты живописецъ природы, дражайшій *Клеистъ* (5), сла-

досшь

(5) г. Клеистъ есть Авторъ разныхъ стихотворенiи, изъ коихъ знаменитѣйшія *весна* и поема называемая *инициды и паши*, сочиненіе посвященное изображенію храбрости и духа военнаго; утверждаютъ что Авторъ начерталъ характеръ собственный. Онъ сочинилъ также нѣсколько Идиллiи по примѣру г. Геснера: должно сказать къ славѣ того и другаго, и въ честь человѣчества, что ихъ дарованія и ихъ успѣхи въ одномъ пути составили между ими связь крѣпкую, кою только смерть можетъ разрушить. Г. Клеистъ былъ Маіоръ полку Хаузенскаго, въ службѣ Короля Пруского, и храбрость его оказалась не меньше красотъ его духа и дарованія. Онъ начальствовалъ полкомъ Хаузенским въ крово-

дость твоего пѣнія восхищаетъ меня какъ сіяніе вечера безъ облачнаго; сердце мое согрѣвается и становится мирно какъ наши поля во время прекраснаго сіянія луны. И ты, *Глеймъ* (6) когда выращаешь ты на своей лирѣ нѣжность, простоту и прелести невинныхъ шутокъ..... но называть ли мнѣ всѣхъ по имянно? васъ очень мало. Увы! сей развратный вѣкъ худо познаетъ ваши достоинства, лучшему потомству оставлено васъ превознесть.

Часто также займусь я переписаванїемъ пѣсенъ, сочиняемыхъ мною во время моихъ уединенныхъ прогулокъ, иногда подъ тенїю въ рощѣ, иногда

пролитномъ сраженїи при Куннерсдорфѣ, гдѣ получилъ множество ранъ, и скончался нѣсколько дней спустя, въ Франкфуртѣ, что на Одрѣ, куда былъ онъ отнесенъ.

(6) Г. Глеймъ можетъ быть почтенъ Нѣмецкимъ Анакреономъ; его забавныя пѣсни дышутъ невинностью и чувствами.

иногда близъ шумящаго водопада, а иногда въ бесѣдкѣ листвяной при сіяніи луны; или разсматривая отборныя печатныя картины, увижу я какъ великіе художники подражаютъ на мѣди красотамъ естества, или постараюсь самъ сухыми красками изобразить изобильныя явленія.

Иногда вдругъ прервется мое упражненіе стукомъ, въ мои двери. Какая радость! ежели въ мгновеніе когда оныя отворю, другъ мой устрѣмится въ мои объятія простертыя къ принятію его. Часто такъ же, возвращаясь изъ прогулки, приближаясь къ уединенной моей хижинѣ, увижу я друзей моихъ, либо по одиначкѣ, или собравшись обществомъ привѣтствующихъ меня приходя ко мнѣ встрѣчу. Тогда мы вмѣстѣ будемъ проходить по окресностямъ полей смѣющихся. Тамо безъ печали, безъ унынія, наши важныя разсужденія, мѣшаемыя съ невинными шутками, заставятъ часы

наши протекать не примѣтно. Движенїе усладитъ яства кои доставитъ намъ мой садъ, моя кладовая и мой изобильной заднїй дворъ. По нашемъ возвращенїи мы найдемъ столъ приготовленный въ бесѣдкѣ или въ зеленомъ шалашѣ по среди саду. Въ другїи разъ сидя подъ древесами при свѣтѣ лунномъ, съ рюмками въ рукахъ мы посмѣемся и повторимъ забавныя пѣсни, по крайней мѣрѣ унывное пѣнїе соловья не принудитъ насъ тогда замолчать для слушанїя.

Но какая тщетная мечта меня занимаетъ! ахъ, весьма давно уже вообраҗенїе мое бродитъ за тобою, сонное привидѣнїе! химеричное желанїе! я не увижу ни когда тебя исполнившимся. Человѣкъ по всегда не доволенъ; очи наши беспрестанно созерцаютъ образъ благодѣнствїя въ деревняхъ удаленныхъ, отъ коихъ мы разлучены не проницаемыми Лавиринфами, удерживающими насъ вступить во оныя. Тогда мы пре-

предаемся воздыханіямъ и забываемъ примѣчать добро предназначенное каждому изъ насъ въ пути нашей жизни. Добродѣтель есть наше истинное благополучіе. Тотъ премудръ, тотъ счасливъ который безъ роптанія занимаетъ мѣсто назначенное ему вѣчнымъ Архитекторомъ сочинившимъ чертежъ всему. Да, божественная добродѣтель, ты составляешь наше блаженство; ты проливаешь радость и счастіе на всѣ положенія нашей жизни. Кому могу я позавидовать, когда приближится мгновеніе окончать дни, кой ты учинила счасливыми? Тогда я умру доволенъ, оплаканъ душами благородными кои любили меня за любовь къ тебѣ, оплаканъ отъ васъ, о друзья мои. Когда стопы ваши приведутъ васъ къ бугру гдѣ будетъ моя могила, сожмите руки, обоймитесь мои дражайшіе друзья. Здѣсь то, скажите вы, опочиваетъ прахъ его; сердце его было праведно; Богъ награждаетъ теперь его подвиги не скончае-

нчаемымъ блаженствомъ. Вскоръ и нашъ прахъ опочїетъ близь его, и мы тогда насладимся съ нимъ вѣчнымъ счастїемъ. А ты, дражайшая и нѣжная содруга, когда ты пойдешь мимо бугра гдѣ будетъ гробъ мой, когда Маргаритки и Ноготки нагнувшїяся на мою могилу приведутъ меня тебя на память; урони нѣсколько слезъ изъ очей твоихъ. Естьли позволено благополучнымъ посѣщать сїи прекрасныя поля, сїи мирныя рощицы въ коихъ по часту провождали мы часы сладчайшїе разсуждая о возвышенной судьбѣ души нашей, позволяется ли оной приближатся къ тому, кого она любитъ; ахъ, часто душа моя будетъ носиться въ округъ тебя! часто, когда наполненная чувствованїя благороднаго и возвышеннаго будешь ты разсуждать во уединенїи, духъ легкїй коснется щѣкамъ твоимъ; да проникнетъ тогда сладостный ужасъ твою душу!

КОНЕЦЪ.